

ВСЕСОЮЗНЫЙ ИНСТИТУТ ПО ИЗУЧЕНИЮ ПРИЧИН
И РАЗРАБОТКЕ МЕР ПРЕДУПРЕЖДЕНИЯ ПРЕСТУПНОСТИ

О. Д. СИТКОВСКАЯ

СУДЕБНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКАЯ ЭКСПЕРТИЗА
АФФЕКТА
МЕТОДИЧЕСКОЕ ПОСОБИЕ

МОСКВА
1983

Ситковская О. Д. Судебно-психологическая экспертиза
аффекта.

Методическое пособие. — М., 1983, 71 с.

Одобрено Методическим советом Прокуратуры Союза ССР.

Под редакцией профессора А. Р. Ратинова

В пособии дается анализ следственной, судебной и экспертной практики, исследуются правовые и психологические вопросы судебно-психологической экспертизы. Особое внимание уделено методам судебно-психологической экспертизы аффекта. Пособие рассчитано на практических работников суда, прокурорско-следственных органов, адвокатуры и на психологов, привлекаемых в качестве экспертов.

ПРЕДИСЛОВИЕ

Для разрешения вопросов, требующих специальных познаний, в уголовном судопроизводстве используются специалисты любой отрасли науки, техники, искусства или ремесла. Процессуальной формой использования специальных познаний является судебная экспертиза (ст. 78 УПК РСФСР¹).

Некоторые виды экспертиз (криминалистическая, психиатрическая, медицинская и др.) хорошо разработаны теорией и освоены практикой. Вместе с тем разрешение ряда специальных вопросов, возникающих в процессе расследования и судебного рассмотрения уголовных дел, требует использования достижений психологической науки. Когда перед следствием и судом возникает необходимость в оценке явлений, относящихся к психической деятельности нормальных людей, необходимо проведение судебно-психологической экспертизы, поскольку решение такого рода вопросов входит в компетенцию психолога как специалиста данной отрасли знания.

Еще в начале нашего столетия предпринимались попытки применения специальных психологических знаний при расследовании и разрешении уголовных дел, проводились первые судебно-психологические экспертизы. Однако отсутствие в то время достаточно разработанной теории, методологии и методики проведения судебно-психологической экспертизы привело к неоправданному расширению компетенции экспертов. Юристы возлагали на них решение вопросов о характере вины, достоверности свидетельских показаний, мотивах преступных действий, степени общественной опасности обвиняемого и т. п., что является прерогативой лиц, осуществляющих производство по делу.

Справедливая критика неправильных тенденций, наметившихся в тот период, привела к распространению среди работников юстиции отрицательного отношения к этому виду экспертизы, утверждению о ее ненаучности и недопустимости. В связи с этим среди практических работников правоохранительных органов сложились и стали традиционными пред-

¹ Здесь и далее имеются в виду также соответствующие статьи УПК других союзных республик.

ставления о том, что все психологические вопросы, возникающие в уголовном процессе, следователь, прокурор, судья должны решать исходя из своего житейского опыта, а в сложных случаях эти вопросы подлежат разрешению судебно-психиатрической экспертизой. При этом не учитывалось, что предметом психиатрии являются болезненные отклонения психики, и поэтому в компетенцию эксперта-психиатра входит решение вопроса о психических заболеваниях человека или наличии у него временного болезненного расстройства психической деятельности. Решая же вопросы об особенностях психических процессов и психической деятельности нормального человека, эксперт-психиатр выходит за рамки своей научной компетенции.

С другой стороны, для решения некоторых специальных вопросов недостаточны правовые познания и житейский опыт следователя и судьи. Профессиональное знание научной психологии, владение методикой психологических исследований доступно лишь специалисту. Не существует и препятствий правового характера для судебно-психологической экспертизы. Закон предусматривает возможность и необходимость проведения экспертизы по всем вопросам, требующим специальных познаний, относящихся к любой области науки, техники, искусства или ремесла.

Постановление ЦК КПСС «О дальнейшем развитии юридической науки и улучшении юридического образования в стране» (1964 г.) способствовало возрождению юридической психологии как отрасли психологической науки, что в свою очередь оказало влияние на дальнейшую судьбу судебно-психологической экспертизы в нашей стране.

За последнее десятилетие положение в области теории и практики судебно-психологической экспертизы существенно изменилось, все чаще назначаются и проводятся такие экспертизы на местах. В юридической литературе стала общепризнанной точка зрения о целесообразности проведения судебно-психологических экспертиз по значительному кругу вопросов.

Во многих работах указывается, в частности, что к компетенции судебно-психологической экспертизы относится диагностика аффекта — бурно протекающей эмоциональной вспышки, захватывающей всю личность человека и ощутимо влияющей на его поведение. По закону такое состояние может служить смягчающим вину обстоятельством, если оно имело место в момент совершения противоправных действий (ст. 38 УК РСФСР).

В каждом конкретном случае, когда есть основания полагать, что противоправные действия совершались под влиянием аффекта, принцип индивидуализации наказания приводит к необходимости детального изучения и диагностики эмоционального состояния субъекта в момент совершения им преступления, так как правильная квалификация уголовно наказуемого деяния является залогом определения справедливой меры ответственности за совершенное деяние.

Аффект — категория психологическая, и диагностика его в сложных случаях доступна представителям науки, обладающим специальными знаниями об особенностях возникновения, развития и специфике аффективных реакций. Преступные действия, совершенные под влиянием аффекта, имеют свои особые причины и условия, способствующие их возникновению. Таковыми являются аффектогенная ситуация, личностные особенности, предрасполагающие к аффективному взрыву, некоторые временно ослабляющие организм факторы и пр. Квалифицированная оценка всех этих моментов требует применения специальных психологических познаний, и поэтому научно обоснованная диагностика состояния аффекта возможна в рамках судебно-психологической экспертизы.

Необходимо отметить, что судебно-психологическая экспертиза аффекта имеет довольно широкий диапазон практического применения. В подавляющем большинстве случаев вопрос о назначении экспертизы возникает при необходимости выяснения того, совершено ли убийство или нанесение тяжких телесных повреждений в аффекте гнева, способствующем совершению активных агрессивных действий.

Вопрос о влиянии аффекта на поведение человека в экстремальных условиях нередко возникает при расследовании дел об изнасилованиях, когда потерпевшая не оказала активного сопротивления преступнику (прежде всего речь идет о несовершеннолетних потерпевших). При этом большое практическое значение имеет установление наличия или отсутствия аффекта страха у потерпевшей и выяснение того, каким образом это состояние могло изменить ее поведение в момент совершения в отношении ее преступных действий. Состояние аффекта страха способствует снижению возможности активного противодействия преступникам, что имеет большое значение для правильной оценки обстоятельств исследуемого события.

Судебно-психологическая экспертиза аффекта может проводиться посмертно, когда следствием или судом решается вопрос, имело ли место самоубийство или убийство. По де-

дам такого рода в числе других доказательств могут быть использованы данные психологической науки. При этом эксперт-психолог должен выяснить, являлось ли психическое состояние умершего аффективным, предрасполагающим к самоубийству.

Необходимость в диагностике психического состояния человека в момент совершения им противоправных действий может возникать при расследовании и судебном рассмотрении неосторожных преступлений. В случаях превышения пределов необходимой обороны решение вопроса о наличии аффекта, способного повлиять на поведение субъекта, также имеет большое практическое значение.

Сказанным определяется практическое значение вопроса о психическом состоянии участников расследуемого события. Этим вопросам посвящается настоящее пособие.

При его подготовке использована психологическая и юридическая литература по теории и практике судебно-психологической экспертизы. Используются также практический опыт экспертной деятельности сотрудников сектора психологических проблем борьбы с преступностью Всесоюзного института по изучению причин и разработке мер предупреждения преступности и собственный опыт автора: материалы научно-психологических консультаций по вопросам диагностики эмоционального состояния субъекта в момент совершения противоправных действий и судебно-психологических экспертиз по конкретным уголовным делам, проведенных им для Главной Военной прокуратуры СССР, Военной коллегии Верховного Суда СССР, Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда СССР, ряда следственных и других правоохранительных органов. Используются также результаты изучения и обобщения следственной, судебной и экспертной практики по вопросам диагностики аффекта в уголовном судопроизводстве за последнее пятилетие.

Пособие предназначено для прокурорско-следственных и судебных работников. В связи с тем, что судебно-психологическая экспертиза является сравнительно новым направлением экспертной деятельности, а также с учетом недостаточной разработанности в психологической науке проблемы экспертной диагностики аффекта и ввиду отсутствия специальных экспертных учреждений и учебных заведений по подготовке кадров экспертов-психологов настоящая работа адресована также психологам, привлекаемым в качестве экспертов для производства судебно-психологических экспертиз.

ГЛАВА I. ПСИХОЛОГИЧЕСКАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА АФФЕКТА

§ 1. Понятие аффекта

Особый класс психических процессов и состояний образуют эмоции, выполняющие функцию регулирования активности субъекта путем определения значимости внешних и внутренних ситуаций для осуществления его жизнедеятельности. В психологии к эмоциям принято относить собственно эмоции, чувства и аффекты.

Собственно эмоции имеют ситуативный характер, выражают оценочное отношение к ситуации и своей деятельности. Чувство же носит «предметный характер» и возникает на основе обобщения эмоций. Чувство — это устойчивое эмоциональное отношение.

Являясь одним из видов внутренней регуляции деятельности, аффект отражает тот смысл, который имеют для субъекта объекты и ситуации, воздействующие на него. Поэтому возникновение аффекта связано с оценочными моментами, с личностным значением происходящего.

По своей психологической структуре аффект является сложным психическим процессом. Аффект — «стремительно и бурно протекающий эмоциональный процесс взрывного характера, который может дать неподчиненную сознательному волевому контролю разрядку в действии»¹. Наиболее существенное свойство аффекта заключается в его способности оказывать влияние на сознание человека, на всю его психическую деятельность.

Для аффекта характерно сужение сознания, его фиксация на раздражителях, вызывающих аффект. Эти изменения сознания проявляются в концентрации на аффективно окрашенных переживаниях и представлениях, связанных с травмирующей ситуацией, снижении полноты и точности ее отражения.

В результате специфических изменений сознанием охватывается не все, что необходимо для упорядоченного поведения. Это приводит к ослаблению способности человека сознавать значение своих действий, уменьшает возможность самоконтроля и управления своим поведением. Поэтому под влиянием аффекта человек подчас совершает поступки, о которых в дальнейшем жалеет и которых не позволил бы себе в спокойном состоянии.

¹ Рубинштейн С. Л. Основы общей психологии. М., 1946, с. 495.

Однако неверно считать, что в состоянии аффекта человек совершенно не понимает и не сознает того, что делает. Своеобразие действий, совершенных под влиянием аффекта, заключается не в полной бессознательности их, а в том, что отсутствует достаточно ясное осознание цели действия и затрудняется сознательный контроль за своим поведением.

Осознание лишь ближайших, а не конечных целей, ослабление критики в отношении внешних воздействий находят свое выражение в нарушении целенаправленности поведения, его негибкости и непоследовательности.

Одним из важнейших свойств аффекта является иррадированный характер, распространение его влияния на все стороны человеческого поведения. В результате аффекта изменяются сложные интеллектуальные и волевые процессы, при этом максимальные отклонения наблюдаются именно в высших психических функциях, в мышлении, речи, внимании и др.

В свое время были проведены опыты по определению влияния внезапного испуга (страха) на память человека. Испытуемому предлагалось запомнить ряд слов, а перед воспроизведением внезапно в соседней комнате раздавался выстрел, вызывавший у испытуемого испуг. В среднем в контрольной группе (без выстрела) испытуемые воспроизводили 71% слов, а в экспериментальной — 42%.

Значимой характеристикой является и то, что это состояние сопровождается действиями, поскольку чувство не только проявляется в действии, но и формируется в нем — развивается, изменяется и преобразуется.

В состоянии аффекта происходит высвобождение и проявление вонне автоматизмов, т. е. произвольных действий, имеющих стереотипный характер. При аффекте отдельное, только что возникшее желание дает стремительную разрядку, сознательный учет всех последствий и взвешивание мотивов становятся невозможными, действие теряет характер избирательного акта.

Действия в состоянии аффекта беспорядочны, возникают как следствие общего возбуждения; они вырываются у человека, а не регулируются им, как бы «проходят через него», а не исходят от него.

В состоянии аффекта происходят и значительные вегетативные, биохимические сдвиги в организме: резко изменяется частота дыхания, сердечная деятельность, состояние сосудов, артериальное давление, уровень адреналина в крови и т. д.

Столь глубокие сдвиги, происходящие в организме, сопровождаются специфическими проявлениями во внешнем виде человека. Резкая бледность или покраснение лица, изменение тембра голоса, дрожание губ и неупорядоченные движения рук, прерывистость голоса, дыхания и речи — характерные внешние признаки аффекта.

Подобные проявления объективны и служат признаком острого аффективного переживания.

Психологическое рассмотрение аффекта включает в себя анализ условий и факторов, которые способствуют возникновению этого состояния. К их числу относятся личностные и возрастные особенности человека, свойства его нервной системы, аффектогенная (способствующая возникновению аффекта) ситуация, факторы, временно ослабляющие организм.

Свойства нервной системы человека. Особенности нервной системы человека играют важную роль в субъективно сложных конфликтных ситуациях, в экстремальных для человека условиях. Большинство авторов, исследующих особенности деятельности человека в таких условиях, отмечают, что в подобных ситуациях роль навыков, умений, опыта значительно уменьшается, в то время как роль врожденного фактора — природной организации функций нервной системы существенно возрастает. При этом особо подчеркиваются преимущества силы нервной системы над слабостью в условиях действия на человека сверхсильного раздражителя.

Слабая нервная система, более чувствительная, имеет некоторые преимущества по сравнению с сильной. Но проявляются эти преимущества в обычных жизненных ситуациях. Например, в однообразной монотонной работе люди со слабой нервной системой делают сравнительно меньшее количество ошибок.

Иначе обстоит дело в условиях сложной конфликтной ситуации. Здесь у лиц со слабой нервной системой значительно чаще происходит срыв высшей нервной деятельности, аффективный взрыв.

Возрастные особенности субъекта. Эмоциональная неустойчивость в аффектогенных ситуациях может быть обусловлена возрастными особенностями. Исследованиями установлено, что характерной чертой младшего подростка является большая подчиненность его ситуационным воздействиям, непосредственным желаниям и побуждениям, быстрая смена настроений.

Позднее, в переходном возрасте, в еще большей степени повышается восприимчивость подростка к внешним воздействиям. Психологические трудности взросления нередко приводят к тому, что эмоциональная напряженность, типичная для подростка, его возбудимость, повышенная аффектированность часто проявляются в виде демонстративного поведения, негативизма (немотивированного противодействия всякому вмешательству извне), прямолинейности и бескомпромиссности.

Сказанное в значительной степени относится и к юношескому возрасту: бурные эмоциональные реакции обусловлены повышенной обидчивостью, ранимостью в отношении оценок окружающими качеств подростков, достоинств и недостатков. Особенно тяжело переживаются обиды, насмешки, оскорбления.

Необходимо подчеркнуть также эмоциональную неустойчивость, свойственную людям пожилого возраста. В этот период нередко наблюдаются возбудимость и раздражительность, склонность к острым эмоциональным переживаниям, что может способствовать возникновению физиологического аффекта.

Временное ослабление организма. Временно ослабляющие организм факторы, такие, как усталость, физическое и психическое перенапряжение в результате тяжелой физической работы или интеллектуальных перегрузок и бессонных ночей, некоторые соматические заболевания, беременность, значительно облегчают возникновение резко выраженных аффективных реакций и снижают способность человека управлять своим поведением.

Вопрос о влиянии соматических заболеваний на психическую деятельность относится к числу недостаточно исследованных как в психологии, так и в медицине. Однако известно, что каждое выраженное соматическое расстройство оказывает более или менее глубокое воздействие на деятельность нервной системы. Экспериментально доказано влияние различных нарушений со стороны соматической сферы на протекание высших психических процессов — мышления, памяти, внимания и т. д.

В связи с заболеваниями наблюдаются иногда астенические состояния (нервно-психическая слабость), которые сопровождаются неустойчивостью настроения, ослаблением памяти и внимания, быстрой утомляемостью.

Так, при гипертонической болезни отмечаются эмоциональная неустойчивость и повышенная утомляемость. Ослабление организма под воздействием гипертонии и иных сома-

тических заболеваний подготавливает почву для развития состояния аффекта в ответ на способствующие этому внешние условия.

Существенно облегчают возникновение аффекта и такие временные функциональные сдвиги в организме женщин, которые возникают в связи с беременностью. Эти изменения приводят в ряде случаев к появлению несвойственных в обычном состоянии тревожности, неуверенности в себе, мнительности, обидчивости, что способствует возникновению эмоциональных срывов.

Личностные особенности. При действии на организм сверхсильных раздражителей происходит нарушение взаимодействия нервных процессов возбуждения и торможения. Это обуславливает срыв высшей нервной деятельности. Резкие сдвиги к двум крайним состояниям (возбуждения и торможения) вызываются исключительно острыми ситуациями и являются физиологической основой двух форм аффектов — стенической (гнев, ярость) и астенической (страх, горе и пр.).

В психологической литературе выделяются следующие основные типы поведения человека в подобных ситуациях:

а) «напряженный», характеризующийся повышенной импульсивностью (импульсивное действие — произвольное действие, не в полной мере контролируемое сознанием), скованностью, напряженностью;

б) «трусливый», для которого характерно стремление оградить себя от вмешательства в ход событий;

в) «тормозной», характеризующийся полной заторможенностью действий;

г) «агрессивно-бесконтрольный», являющийся яркой формой проявления эмоциональной неустойчивости человека, характеризующейся срывом деятельности, вследствие чего он действует бессмысленно, бесконтрольно, агрессивно.

Состояние аффекта возникает при острых жизненных конфликтах с другими людьми, может быть связано с угрозой потери репутации, престижа, социального статуса. Это обуславливает тесную связь повышенной аффективности с уровнем притязаний (под уровнем притязаний понимается уровень трудности тех задач, на осуществление которых претендует человек) и самооценкой личности (самооценка — осознание человеком самого себя, своих умственных способностей, физических сил, поступков, своего отношения к окружающему, другим людям и пр.). Адекватность уровня притязаний и

самооценки определяется многими факторами: интеллектуальными возможностями, культурным развитием, возрастом, полом, семейной средой и пр.

Экспериментальные исследования показывают, что при расхождении между уровнем притязаний и реальными возможностями наблюдаются повышенная чувствительность к аффектогенным ситуациям, неустойчивость поведения и его негибкость в меняющихся условиях. Сказанное свидетельствует о том, что неадекватно завышенные самооценка и уровень притязаний являются важными личностными свойствами, характеризующими эмоциональную неустойчивость в сложных ситуациях.

Большой интерес представляет связь повышенной аффективности личности с агрессивным поведением, целью которого является нанесение вреда какому-либо объекту или субъекту, и агрессивностью как свойством личности. Наиболее часто агрессивное поведение и агрессивные реакции в сложных ситуациях можно наблюдать у самоуверенных, несдержанных, экспансивных людей.

В психологии известны различные проявления агрессивного поведения. Агрессия может быть внешне выражена, например, в грубости, драчливости, а может быть затаенной, иметь форму скрытого недоброжелательства и озлобления.

Весьма существенной является связь агрессивного поведения с уровнем контроля, осуществляемого индивидом над своим поведением. В зависимости от степени самоконтроля выделено два типа личности, обнаруживающих агрессивное поведение.

1. Личность, обладающая недостаточным чувством самоконтроля, характеризуется склонностью агрессивно реагировать на ситуации, которые являются эмоционально нейтральными для большинства людей. У этих лиц в силу эмоциональной неустойчивости (лабильности) аффект с большей вероятностью может возникнуть под воздействием сильного неожиданного раздражителя (неожиданное нападение, грубое оскорбление и пр.).

2. Личность с повышенным самоконтролем склонна подавлять свои агрессивные тенденции, однако в некоторых, особо значимых ситуациях способна к совершению крайне агрессивных действий. Предрасположенность этого типа к возникновению аффекта определяется преимущественно пассивными формами реагирования на внешние обстоятельства и отсюда склонностью к аккумуляции (накоплению) аффективных переживаний. При наличии длительно травмирующей

обстановки аффект может возникнуть и по незначительному поводу.

Оба эти типа предрасположены к аффективным срывам. Различие между ними состоит в характере провоцирующих ситуаций.

Аффектогенная ситуация. В ситуациях, провоцирующих возникновение аффекта, выделяют три фактора: новизну, необычность и внезапность, влияние которых в значительной степени определяется прошлым опытом человека.

Психологическое изучение особенностей возникновения аффекта привело к выводу о существовании трех типов аффектогенных ситуаций:

1) когда раздражитель, действующий на организм, слишком силен, задача слишком трудна и человек не может с ней справиться, ответить соответствующей реакцией;

2) когда та или иная тенденция индивида не может быть выявлена в результате внешних запретов, противоречия социальным нормам, установкам и навыкам личности;

3) когда в поведении индивида сталкиваются две противоположно направленные тенденции, взаимоисключающие друг друга.

Во всех этих случаях в основе возникновения аффекта лежит механизм конфликта. Являясь важнейшим признаком аффектогенной ситуации, конфликтность в значительной степени определяется индивидуальной оценкой значимости ситуации, ее смыслом для конкретного лица.

§ 2. Виды аффектов

В психологии и психиатрии общепризнанным считается деление аффектов на патологический и физиологический¹. Однако основания для дифференциальной диагностики этих состояний длительное время являлись предметом дискуссий и споров.

Одним из наиболее распространенных являлся подход, при котором разграничение патологического и физиологического аффектов было основано на том, является ли человек, у которого возникает аффект, психически здоровым или у него имеется психическое заболевание.

¹ Понятие «физиологический аффект» (по существу тождественное психологическому понятию «аффект») возникло и укрепилось в литературе в связи с терминологической необходимостью отграничения аффекта как нормального психического состояния от патологического. Несмотря на условность этого термина, мы в силу языковой традиции вынуждены пользоваться понятием физиологического аффекта.

Существовала точка зрения, что патологический аффект может возникать лишь у психически неполноценных лиц и для возникновения этого временного расстройства психической деятельности необходима та или иная патологическая почва (психическая болезнь). Предполагалось также, что развитие физиологического аффекта возможно только у здоровых в психическом отношении людей. Аффекты, возникающие у здоровых, по своему течению и развитию отличаются от аффектов психически больных лиц.

С этой точки зрения психическое заболевание или здоровье могут являться в каждом конкретном случае основанием для разграничения и диагностики патологического и физиологического аффектов. Решение вопроса о характере состояния, в котором находился субъект, при таком подходе по существу сводится к установлению психической полноценности человека или его отклонений от нормы.

Эта позиция была подвергнута справедливой критике. Действительно, патологический аффект легче может возникать у лиц с отклонениями от нормы, однако с практической точки зрения о патологическом аффекте как о временном болезненном изменении психической деятельности уместно говорить лишь в тех случаях, когда субъект вне этого конкретного эпизода является психически здоровым и вменяемым.

Патологический аффект у здорового человека, как правило, возникает под влиянием различного рода временно ослабляющих организм факторов.

В этой связи большой интерес представляют исследования, в которых показано влияние личностных особенностей на формирование того или иного вида аффекта. Отмечается, что у лиц, у которых в результате травмы или иных причин развились стенические черты характера (раздражимость, возбудимость, агрессивность), чаще возникает состояние физиологического аффекта. У лиц же с противоположными психологическими особенностями чаще наблюдается патологический аффект.

В течение длительного времени считалось правомерным выделение еще одного вида аффекта — физиологического аффекта на патологической почве. Речь идет об аффектах, возникающих у алкоголиков, психопатов, истеричных лиц. Необходимость выделения этих психических состояний в особый вид аргументируется тем, что лица эти и в своем обычном состоянии не всегда могут полностью сознавать значение своих

действий и руководить ими. Поэтому, несмотря на то что физиологический аффект на патологической почве (т. е. при наличии у человека расстройств психической деятельности) может протекать без болезненных расстройств сознания и других, характерных для патологического аффекта симптомов, он может приближаться к патологическому аффекту и снимать ответственность за противоправные действия, поскольку их совершали психически неполноценные люди.

Более справедливой представляется точка зрения, согласно которой оценка аффекта должна зависеть не от того, у кого он возник, а от того, насколько выражены симптомы аффекта, имеются ли нарушения сознания, истощение и иные признаки, характеризующие качественное отличие патологического аффекта от физиологического.

Диагностика аффекта должна учитывать анализ закономерностей возникновения и развития исследуемого состояния и включать в себя изучение симптомов психологического состояния субъекта при совершении им противоправных действий, а не почвы, на которой возникает аффект.

При таком подходе имеются лишь два варианта — аффект может быть либо патологическим, либо физиологическим.

Патологический аффект возникает, как правило, в ответ на неожиданный сильный раздражитель, однако в некоторых случаях, как отмечается в психиатрической литературе, это состояние может возникать без внешнего повода, что несвойственно физиологическому аффекту.

Патологический характер аффекта проявляется в глубоком помрачении сознания с бурным двигательным возбуждением и автоматическими бесцельными агрессивными действиями, с последующим состоянием полной протрации. Специфическим признаком патологического аффекта является характерное развитие этого состояния во времени.

В психиатрической литературе выделяются следующие стадии патологического аффекта:

1. **Подготовительная стадия.** Характеризуется тем, что сознание хотя и является сохранным, но сужается на источнике травмирующих переживаний.

2. **Стадия взрыва.** Чрезвычайно важным для диагностики состояния патологического аффекта служит тот факт, что в этой стадии для субъекта характерно сумеречное состояние сознания, т. е. происходит сужение сознания не на реальных травмирующих переживаниях, как при физиологическом аффекте, а на замещающих представлениях.

Речь идет о том, что при патологически суженном сознании вся психическая деятельность субъекта концентрируется не на действительно окружающих его людях и объектах, а на представлениях, имеющих бредовую окраску, замещающих реальные предметы и лица. Болезненные переживания, как правило, связаны с ловлей бандитов, шпионов, различных врагов, сводятся к ощущению преследования и большой опасности для жизни. Отсюда возникают агрессивные, субъективно защитные действия человека.

В результате нарушения сознания и высвобождения из-под его контроля рефлекторной деятельности действия, совершаемые в этом состоянии, могут производить впечатление крайне жестоких обдуманных действий, которые совершаются под влиянием чувства мести. Однако кажущиеся мотивированность, целесообразность и последовательность действий не всегда служат доказательством их осознания.

Несвойственная человеку жестокость, с которой совершаются преступные действия в состоянии патологического аффекта, может служить одним из доказательств наличия у него патологических автоматизмов, которые отличаются от нормальных тем, что всегда возникают на фоне болезненного изменения сознания и в соответствии не с реальной, а с представляемой ситуацией.

3. Стадия истощения. Аффект приводит к истощению нервной системы, так как связан с огромным внутренним напряжением, значительной тратой сил. Этим определяются свойственная для данной стадии патологического аффекта необычайная вялость, общая расслабленность при безразличном отношении к содеянному и окружающему — состояние, близкое к прострации.

В результате резкого психического и физического истощения человек часто сразу засыпает, причем сон может длиться несколько часов.

Установление наличия состояния стойкого и резкого истощения как заключительной фазы после периода расстроенного сознания является одним из важнейших диагностических признаков и критериев патологического аффекта. Симулировать признаки физического и психического истощения (как объективные, так и субъективные) очень сложно.

Для состояния физиологического аффекта не являются характерными столь выраженные истощение и прострация, для него в большей степени свойственны чувства облегчения, раскаяния, вялость.

Подобно патологическому аффекту, особенности динамики физиологического аффекта заключаются в развитии его по трем основным стадиям: подготовительной, стадии активных аффективных действий (взрыва) и заключительной. Однако за внешним сходством динамических особенностей данных двух видов аффекта стоят существенно различные интимные механизмы возникновения и развития этих состояний (табл. 1).

Таблица 1

Стадии	Патологический аффект	Физиологический аффект
Подготовительная	Возникает в ответ на неожиданный сильный раздражитель, а в некоторых случаях — без повода	Конфликтная ситуация возникает в ответ на: 1) сильный аффектогенный раздражитель; 2) в результате аккумуляции аффективных переживаний (в ответ на малозначительный раздражитель)
Стадия взрыва	Сумеречное состояние сознания, искаженное восприятие окружающего	Сужение сознания
Стадия истощения	Глубокий длительный сон, прострация, безразличие к окружающему	Вялость, усталость, субъективное чувство раскаяния

*4482/10
VI.4*

Таким образом, оценка и дифференциальная диагностика состояний патологического и физиологического аффектов должна опираться не только на выяснение наличия или отсутствия психического заболевания у человека, т. е. не на одно лишь исследование почвы, на которой возникают эти психические состояния. Диагностика этих состояний предполагает прежде всего анализ закономерностей их возникновения и развития, особенностей изменения сознания, которые могут проявляться в последствиях аффекта, нарушениях памяти, наличии нормальных или патологических автоматизмов в поведении, в зависимости от характера аффекта.

Основное и наиболее существенное различие этих состояний заключается прежде всего в степени их воздействия на сознание человека, переживающего аффект, поэтому именно анализ состояния сознания является важнейшим основанием для разграничения патологического и физиологического аффектов.

Характер нарушений сознания при патологическом аффекте определяет невменяемость субъекта в отношении противоправных действий, совершенных в этом состоянии. Тем самым это болезненное состояние исключает и уголовную ответственность, так как лицо, которое не могло отдавать себе отчета в своих действиях или руководить ими вследствие хронической душевной болезни, временного расстройства душевной деятельности, слабоумия или иного болезненного состояния, является невменяемым и не подлежит уголовной ответственности (ст. 11 Основ уголовного законодательства Союза ССР и союзных республик).

Физиологический аффект не является временным болезненным расстройством психики, его возникновение не связано с психическим заболеванием, а протекание определяется психологическими законами развития нормальных психических процессов.

В основе сужения сознания лежат, как указывалось, физиологические, а не патологические механизмы, поэтому он не исключает вменяемость, а признается обстоятельством, смягчающим уголовную ответственность (п. 5 ст. 38 УК РСФСР).

ГЛАВА II. ПРАВОВАЯ И ЭКСПЕРТНАЯ ОЦЕНКА СОСТОЯНИЯ АФФЕКТА

§ 1. Сильное душевное волнение как смягчающее вину обстоятельство

В теории уголовного права считается общепризнанным, что понятию сильного душевного волнения, принятому в юриспруденции, соответствует психологическое понятие физиологического аффекта. Однако полное отождествление этих понятий представляется спорным, хотя они близки по содержанию и в значительной степени действительно совпадают.

Ранее понятие «аффект» употреблялось в психологии для обозначения любого волнения и наиболее близко принятому в настоящее время термину «эмоция». Позже термин «аффект» приобрел более узкое значение. Понятие «сильное ду-

шевное волнение» отражает количественную характеристику эмоциональной реакции. Действительно, волнение может характеризоваться различной интенсивностью, быть более или менее сильным. Аффект же в современной психологической литературе рассматривается как эмоциональный процесс, качественно отличный от любого душевного волнения, в том числе и сильного, имеющий свою специфическую природу и динамику. Степень волнения является важным, но не самым существенным признаком аффекта.

Аффект — бурный и кратковременный эмоциональный процесс, оказывающий влияние на сознание и деятельность человека и сопровождаемый изменениями в деятельности двигательной, эндокринной, сердечно-сосудистой и других систем организма. По содержанию переживаний можно выделить аффекты радости, страха, гнева, ужаса, отчаяния и пр.

В судебной практике чаще всего возникает необходимость в установлении аффекта гнева (реже — страха, ужаса) у человека в момент совершения противоправных действий.

Согласно п. 5 ст. 38 Основ уголовного законодательства Союза ССР и союзных республик сильное душевное волнение является смягчающим вину обстоятельством, если оно вызвано неправомерными действиями потерпевшего. В Особенной части УК РСФСР (ст. ст. 104 и 110) определены дополнительные условия, при которых сильное душевное волнение оказывает влияние на уголовную ответственность. В качестве квалифицирующего признака сильное душевное волнение выступает в случае, если оно: а) возникло внезапно; б) вызвано противозаконным насилием или тяжким оскорблением, которые повлекли или могли повлечь тяжкие последствия для виновного или его близких.

В этой связи в юридической литературе подчеркиваются особая роль потерпевшего в этих преступлениях, активный характер его действий, причем особо отмечается, что эта активность выражается в общественно порицаемых поступках.

Сложностью составов преступлений, совершаемых в состоянии аффекта, их своеобразной конструкцией обусловлено большое внимание юристов к проблеме аффекта, которая рассматривается ими в первую очередь с точки зрения квалификации преступных действий, в связи с рассмотрением сильного душевного волнения в качестве смягчающего вину обстоятельства.

Рассматривая противозаконное насилие как одно из условий применения ст. ст. 104 и 110 УК РСФСР, многие авторы

указывают, что речь должна идти о физическом насилии (телесные повреждения, удары, побои); случаи же совершения преступления в состоянии внезапно возникшего сильного душевного волнения под влиянием психического насилия в практике встречаются редко.

Последнее положение в психологическом смысле представляется сомнительным, так как применение угроз и психического насилия может способствовать возникновению состояния аффекта не в меньшей степени, чем реальные физические повреждения и побои, поскольку появление аффекта не определяется непосредственно внешними причинами (физическим или психическим насилием), а зависит от воздействия их на человека лишь в соответствии с субъективным их значением.

По всей вероятности, приведенное мнение отражает сложившуюся на практике традицию квалификации аффективных преступлений, которая нуждается в совершенствовании.

Как форма насилия, тяжкое оскорбление со стороны потерпевшего в соответствии с советским законодательством служит одним из оснований для применения более мягкой санкции при квалификации деяния.

В юридической литературе особо подчеркивается, что для квалификации преступления по упомянутым статьям надо установить, что «оскорбление было тяжким».

Сами понятия «тяжкое оскорбление» и «менее тяжкое оскорбление» имеют оценочный характер, и практическое их использование вряд ли может быть свободно от субъективизма, оценивающего их. Тем не менее очень важно найти хотя бы самые общие принципы оценки тяжести оскорбления.

В литературе наиболее распространенным является определение тяжкого оскорбления как грубого унижения чести и достоинства личности, при этом подчеркивается, что «менее тяжкое оскорбление» не должно вызывать особенно болезненной реакции.

Оба эти положения имеют один общий недостаток: они не учитывают субъективного фактора, личностного смысла ситуации для субъекта, значимости для него нанесенного оскорбления.

При решении вопроса о степени тяжести оскорбления представляется целесообразным учитывать тот факт, что с психологической точки зрения отсутствует прямая внешняя зависимость между объективной тяжестью оскорбления, субъективным его восприятием и величиной ответной эмоциональной реакции человека.

Следовательно, поводом для аффективной разрядки может служить внешне самый незначительный повод (стимул), в том числе, конечно, и «менее тяжкое оскорбление».

Другим необходимым условием для признания сильного душевного волнения смягчающим вину обстоятельством, как указывалось, является внезапность его возникновения.

В литературе встречается мнение, что внезапность сильного душевного волнения состоит в том, что оно возникает немедленно, как ответная реакция на тяжелое оскорбление или насилие. Между этими действиями не должно быть разрыва во времени.

Таким образом, проблема внезапности возникновения сильного душевного волнения (аффекта) рассматривается с точки зрения того, какой промежуток времени может пройти от момента оскорбления или насилия до ответных преступных действий. При этом внезапность понимается как немедленное реагирование в ответ на противозаконное поведение потерпевшего, как отсутствие разрыва во времени между насилием и совершением ответных действий.

Более справедливой представляется точка зрения, согласно которой значение имеет разрыв во времени не только между неправомерными действиями потерпевшего и ответными действиями виновного, но и между моментом возникновения сильного душевного волнения и совершением преступных действий.

Действительно, одной из характеристик аффекта как бурно протекающего эмоционального состояния является внезапность его возникновения, но внезапность субъективная, неожиданное для самого субъекта возникновение аффективной вспышки.

Вместе с тем внезапность в психологическом смысле является одной из характеристик аффекта, и представляются неоправданными выделение и анализ этого признака вне исследования динамики и иных специфических признаков данного психического состояния. Решение вопроса о внезапности возникновения сильного душевного волнения в каждом конкретном случае должно опираться на всестороннее изучение всех имеющихся по делу данных. Однозначное для всех случаев определение конкретного промежутка времени между поводом и ответной реакцией не представляется возможным.

Большое значение в юридической литературе придается вопросу о правильной квалификации преступных действий, совершенных в состоянии аффекта, когда они совершены с особой жестокостью.

С точки зрения некоторых авторов, особая жестокость характеризует повышенную общественную опасность, даже если она связана с состоянием сильного душевного волнения.

Это мнение вызывает возражения многих ученых, которые указывают на то, что жестокость при совершении преступления в состоянии аффекта не является основанием для квалификации его как действий, совершенных при отягчающих вину обстоятельствах. Высказанная точка зрения подтверждается тем, что кажущаяся жестокость при совершении преступления в ряде случаев может сама по себе служить одним из признаков состояния аффекта у субъекта. Действия в состоянии аффекта часто имеют выраженные элементы автоматизма, что может проявляться в нанесении потерпевшему большого количества ударов или ножевых ранений. При этом подобные действия внешне могут производить впечатление крайне жестоких.

Рассматривая вопрос о характере действий, совершаемых в состоянии аффекта, некоторые авторы отрицают наличие импульсивных действий в этом состоянии. Они указывают, что при совершении преступления в состоянии сильного душевного волнения виновный не только предвидит наступление преступного результата, но и направляет свою волю на его достижение. Действия лица, совершенные в состоянии аффекта, не теряют волевого характера, так как преодоление аффекта возможно в начальной стадии его развития. Сторонники этой позиции особо подчеркивают, что действия человека в рассматриваемых случаях не являются произвольными, носят целенаправленный характер.

С высказанным мнением нужно согласиться лишь частично. Из того, что преодоление аффекта в начальной стадии возможно, еще не следует, что он может быть подавлен на вершине своего развития, когда совершаются аффективные действия, первоначально, возможно, и целенаправленные, но в значительной степени утрачивающие это свое качество в процессе развития аффекта.

Неверно говорить и о полной потере произвольности действий, совершенных под влиянием аффекта. Действия эти вырываются у человека в виде автоматической разрядки возникшего аффективного напряжения при уменьшенном сознательном контроле и волевой регуляции. При аффекте очень сильное эмоциональное возбуждение тормозит сознательную интеллектуальную деятельность, возникает напряжение, при котором любой повод может вызвать разрядку в виде им-

пульсивных действий, основной характеристикой которых является сравнительно малая степень их сознательности.

В теории уголовного права уголовная ответственность связывается с волевым поведением, с возможностью человека произвольно регулировать свои действия и поступки на основе сознательного отношения к окружающему в момент совершения преступления. Однако уголовная ответственность может быть связана не только с волевым поведением, но и с таким импульсивным поведением, когда субъект имеет способность включить в поведение волю. Поэтому наказуемость аффектированного преступления обоснована тем, что, во-первых, аффективные действия не относятся к числу таких, которые не могут быть преодолены, и, во-вторых, аффект полностью исключает сознательный контроль человека, а лишь уменьшает его.

Аффект не относится к числу болезненных расстройств психической деятельности, и психически здоровый человек, являясь вменяемым, способен сдержать себя от аффективной вспышки. «Человек потому теряет голову, что, отдавши себя во власть аффекта, предается безответственному действию — выключает мысль о последствиях того, что он делает, сосредоточиваясь лишь на том, что его к этому действию толкает... Законченно-аффективный характер эмоциональная вспышка приобретает лишь тогда, когда она прорывается в действие... Не давайте зародившемуся аффекту прорваться в сферу действия, и Вы преодолеете свой аффект»¹. Чтобы воспрепятствовать аффективной вспышке, надо не дать ей начаться.

Таким образом, способность подавлять наступление аффекта связана с его первой, подготовительной стадией развития. Возможность воздержаться от совершения аффективно-противоправных действий является основанием для уголовной ответственности за такие деяния.

Однако уже наступивший аффект приводит к нарушению сложной структуры волевых действий, которые включают в себя осознание цели действия, процесс принятия решения, выработку плана действий и сознательный контроль за исполнением задуманных действий. В фазе наиболее интенсивного переживания аффекта сознание субъекта изменяется (сужается), что приводит к непоследовательности поведения, нарушает его целенаправленность и упорядоченность, но не снижает полностью волевой произвольный характер поведения.

¹ Рубинштейн С. Л. Основы общей психологии. М., 1946, с. 496.

Таким образом, состояние аффекта ослабляет контроль человека над своим поведением и способность управлять своими поступками, что и определяет степень уголовной ответственности за противоправное поведение. Именно этим объясняется тот факт, что состояние аффекта в момент совершения преступных действий рассматривается как смягчающее вину обстоятельство (ст. 38 Основ уголовного законодательства Союза ССР и союзных республик).

Наличие аффекта является основной предпосылкой для признания действий менее общественно опасными и менее упречными по сравнению с другими противоправными действиями. Вместе с тем закон существенным образом ограничивает те случаи, когда аффект является обстоятельством, смягчающим вину.

В некоторых случаях существующее сужение границ, при которых аффект уменьшает уголовную ответственность, приводит к неоправданному преувеличению значения обстоятельств, провоцирующих аффект, при этом сам аффект трактуется как чисто юридическая оценочная категория. При таком подходе диагностика состояния аффекта в момент совершения преступления сводится к выделению следующих компонентов: провокации со стороны потерпевшего; направленности агрессивных действий на самого виновного или его близких; внезапности возникновения сильного душевного волнения; отсутствия заранее обдуманного плана у виновного; использования в качестве орудий случайных предметов и пр.

Сторонники этой точки зрения полагают, что для диагностики состояния сильного душевного волнения необходимы только юридические знания, а также самая общая осведомленность в психологических вопросах. Указывая на то, что в юридических вузах в качестве специальной дисциплины введено преподавание судебной психологии, они делают вывод, что работники правоохранительных органов достаточно компетентны в вопросах диагностики физиологического аффекта. При определении состояния сильного душевного волнения практические работники часто ориентируются на внешние обстоятельства совершения преступления, не учитывая, что аффект не является обязательным и неизбежным их следствием.

При этом зачастую не уделяется достаточного внимания выяснению особенностей поведения человека в момент совершения им преступления и непосредственно до и после этих действий, специфике его внешнего вида в этот период време-

ни и иным значимым моментам, которые могут быть использованы как индикаторы психического состояния. При таком подходе не учитываются особенности личности, субъективный фактор в восприятии ситуации, ее личностный смысл.

Неправомерные, провоцирующие действия потерпевшего, безусловно, могут способствовать возникновению аффективного состояния у субъекта. Однако даже квалифицированный психологический анализ этих данных не дает оснований для суждений о степени выраженности и интенсивности этого состояния. Тем более такие сведения не позволяют судить о том, находился ли человек в момент совершения противоправных действий в состоянии аффекта. Правильное решение этого вопроса в значительной степени зависит от глубокого и верного понимания природы аффекта, установления самого факта наличия внезапно возникшего сильного душевного волнения в момент совершения преступных действий, психологического изучения личности и ситуации, их соотношения, что требует выяснения дополнительных сведений и данных, которые могут быть получены на предварительном следствии и в судебном заседании.

§ 2. Компетенция судебно-психологической экспертизы аффекта

Диагностика физиологического аффекта представляет значительные трудности даже при непосредственном наблюдении. Тем более сложно диагностировать это состояние ретроспективно путем анализа данных о поведении человека в момент совершения им противоправных действий. В связи с этим возникает необходимость использования специальных познаний.

В ст. 78 УК РСФСР говорится о том, что для установления истины по делу при необходимости применения специальных познаний в уголовном судопроизводстве используется соответствующая экспертиза.

Знание работниками следствия и суда основ психологии не исключает привлечения для решения этого вопроса эксперта, так же как общая их осведомленность в вопросах медицины, криминалистики или техники не исключает проведения соответствующих видов экспертиз. Более того, применение специальных познаний вне экспертной формы противоречит ст. ст. 59 и 67 УПК РСФСР о недопустимости совмещения процессуальных функций следователя и эксперта, судьи и эксперта.

Диагностика состояния аффекта предполагает, кроме того, не только знание общих психологических закономерностей динамики и структуры этого психического состояния, но и овладение специальными методическими приемами психологического исследования (в том числе лабораторного), использование которых возможно лишь в рамках специальной экспертизы и не укладывается в процедуру следственных действий.

Трудности диагностики физиологического аффекта, а следовательно, и установление сильного душевного волнения были осознаны многими специалистами в области юриспруденции. Ряд ученых утверждали, что необходимо проведение экспертизы для диагностики физиологического аффекта. Вопрос же о том, какую именно экспертизу — психиатрическую или психологическую — следует проводить, был решен не сразу.

Существует мнение, что для решения вопроса о наличии или отсутствии физиологического аффекта в момент совершения противоправных действий необходимо проведение судебно-психиатрической экспертизы. Сторонники этой точки зрения не учитывают того факта, что психиатрия изучает психопатологические явления. Исследование психической деятельности здоровых людей не входит в компетенцию психиатра, так как не относится к области его научных познаний. Поэтому основным критерием для назначения психиатрической экспертизы является предположение о психическом заболевании или болезненном расстройстве психической деятельности обвиняемого.

Применительно к аффекту из этого следует, что назначение судебно-психиатрической экспертизы необходимо в тех случаях, когда есть основания предполагать, что преступление совершено в состоянии патологического аффекта. Необходимость использования специальных познаний для диагностики патологического аффекта объясняется тем, что в психиатрии накоплены и могут использоваться в экспертных целях данные о различных болезненных формах психической деятельности, которые имеют разнообразную и сложную природу.

Вопрос о наличии или отсутствии физиологического аффекта как состояния, не носящего болезненного характера, не относится к области специальных знаний эксперта-психиатра, и решение его не входит в научную компетенцию последнего.

В настоящее время в литературе все чаще высказывается мнение о том, что диагностика эмоционального состояния субъекта в момент совершения им противоправных действий, оценка его глубины и влияния на способность в полной мере сознавать значение своих действий и руководить ими в тех случаях, когда это состояние не выходит за рамки психической нормы и является диагностически сложным, входят в компетенцию эксперта-психолога и в подобных случаях целесообразно проведение судебно-психологической экспертизы.

Психология — наука о закономерностях психической деятельности здорового человека. Предметом психологии является также изучение психических процессов, свойств и состояний человека, его потребностей и мотивов деятельности, особенностей восприятия, мышления, памяти, эмоциональных состояний и пр.

Современная психология располагает для этого большим арсеналом специальных научных методов, с помощью которых накоплен экспериментальный, фактический и теоретический материал, вполне достаточный для изучения и оценки особенностей психической деятельности и временных психических состояний людей в конкретных условиях.

Исходя из сказанного о предмете психологии как науки и области специальных знаний, предметом судебно-психологической экспертизы (как формы применения психологических познаний в судопроизводстве) являются особенности психической деятельности субъекта, имеющие значение для выяснения истины по уголовному делу.

К компетенции судебно-психологической экспертизы относится широкий круг вопросов¹.

Применительно к диагностике аффекта частным предметом судебно-психологической экспертизы является психическое состояние субъекта в момент совершения преступления. Судебно-психологическое исследование состояния аффекта включает в себя:

— изучение индивидуально-психологических особенностей подэкспертного, степень его устойчивости к эмоциогенным ситуациям, способность к аккумуляции аффективных переживаний и пр.;

— анализ специфики психического состояния человека, его влияния на сознание и деятельность;

— изучение и психологическую оценку ситуации, в которой совершено преступление.

¹ См.: Коченов М. М. Судебно-психологическая экспертиза. М., 1977.

В некоторых случаях на практике возникает необходимость в разграничении патологического и физиологического аффектов у субъекта в момент совершения им противоправных действий. Существует мнение, что в подобных случаях целесообразно проведение комплексной психолого-психиатрической экспертизы.

На самом же деле разграничение этих состояний должно осуществляться другим путем. В таких случаях необходимо последовательное проведение сначала судебно-психиатрической экспертизы для диагностики патологического аффекта и лишь затем (в случае, если эксперты-психиатры приходят к выводу об отсутствии патологического аффекта у подэкспертного) судебно-психологической экспертизы для установления наличия или отсутствия физиологического аффекта.

Комплексная экспертиза назначается в тех случаях, когда возникающие вопросы не могут быть решены путем последовательного или одновременного проведения нескольких однородных экспертиз, т. е. когда речь идет о разрешении специальных вопросов, тесно между собой связанных, но относящихся к разным отраслям одной науки или смежным наукам. Каждый из экспертов проводит исследование в соответствии со своей компетенцией и специальностью, после чего в результате обсуждения полученных данных эксперты приходят к общему выводу.

Поэтому к компетенции комплексной психолого-психиатрической экспертизы относится решение вопроса о состоянии физиологического аффекта в момент преступления у лиц вменяемых, но имеющих те или иные психические аномалии (отклонения). В первую очередь эти вопросы возникают при экспертизе лиц, страдающих психопатиями, алкоголизмом, олигофренией в степени дебильности и пр.

Так, психические изменения при хроническом алкоголизме выражаются прежде всего в поражении эмоционально-волевой сферы. Грубость, жестокость, склонность к бурным аффективным вспышкам по внешне незначительным поводам — характерные черты лиц, страдающих этим заболеванием.

Значительные изменения аффективности характерны и для лиц с задержкой психического развития — олигофренов. Известно, что для многих олигофренов характерны расторможенность, нарушение волевой регуляции, склонность к взрывным аффективным разрядам.

Большие трудности вызывает и диагностика физиологического аффекта у психопатов, имеющих патологические черты характера, неуравновешенность и дисгармонию личности. Ли-

цам, относящимся к группе возбудимых психопатов, свойственны вспыльчивость, повышенная склонность к аффективным разрядам, неадекватным по силе вызвавшему воздействию и нередко сопровождающимся агрессивными проявлениями.

При проведении экспертизы перед экспертами встает задача выяснения роли заболевания в возникновении аффекта, возможного влияния имеющейся патологии на его протекание, что относится к компетенции эксперта-психиатра.

Отмеченные особенности данных форм психических заболеваний в значительной степени изменяют характер и протекание физиологического аффекта у этих лиц; поэтому решение вопроса о состоянии аффекта у лиц с психическими аномалиями (вменяемых) возможно только совместными усилиями психологов и психиатров в рамках комплексной психолого-психиатрической экспертизы.

Диагностика физиологического аффекта у субъекта в момент совершения им преступных действий и отграничение его от иных нормальных эмоциональных состояний входят в компетенцию психолога.

§ 3. Практика проведения судебно-психологических экспертиз аффекта

За последние годы произошел коренной перелом в отношениях практических работников к судебно-психологической экспертизе. Эта экспертиза все чаще назначается по широкому кругу психологических вопросов, возникающих в процессе судопроизводства.

В большинстве случаев она проводится в отношении несовершеннолетних обвиняемых, потерпевших и свидетелей. Основная масса экспертиз проводится в отношении потерпевших по делам о половых преступлениях для установления их способности понимать характер и значение совершаемых с ними действий и оказывать сопротивление, а также для установления способности малолетних или несовершеннолетних свидетелей правильно воспринимать обстоятельства, имеющие значение для дела, и давать о них правильные показания.

Относительно небольшое количество судебно-психологических экспертиз аффекта, по всей вероятности, отражает тенденцию практических работников органов правосудия привлекать психологов для участия в качестве экспертов, прежде всего когда в процессе расследования возникают вопросы,

связанные со специфическими особенностями психики несовершеннолетних, в то время как особенности психического состояния (в частности, вопрос об аффекте) обвиняемых, тем более взрослых, традиционно относится к компетенции судебно-психиатрической экспертизы или решается самими работниками юстиции.

Такое положение вещей не может не оказать своего влияния и на качество проводимых экспертиз аффекта. Подчеркивая общее положение о целесообразности использования специальных знаний и проведения судебно-психологических экспертиз для выяснения особенностей психического состояния подэкспертного в момент совершения им преступных действий, необходимо отметить, что судебно-психологическое исследование состояния физиологического аффекта часто вызывает трудности и у специалистов-психологов.

К возникающим методическим трудностям относятся: ненаблюдаемость и невозпроизводимость психических явлений, невозможность точного повторения эмоционального состояния человека в момент совершения им противоправных действий, что позволило бы эксперту-психологу непосредственно наблюдать его динамику и внешние проявления; зависимость возникновения аффекта от большого числа объективных и субъективных факторов; большая заинтересованность подэкспертного в определенном исходе экспертизы, в связи с чем возникает необходимость учета возможностей симуляции, маскировки, защиты и др.

Зачастую обращает на себя внимание и недостаточно корректная постановка вопросов перед экспертами-психологами. Как правило, в подобных случаях следствие и суд по существу интересуется лишь вопросом, находился ли обвиняемый в момент совершения преступных действий в состоянии аффекта, так как для правильной квалификации действий подэкспертного именно решение вопроса о наличии или отсутствии состояния аффекта наиболее значимо. Однако перед экспертами нередко формулируются пять, шесть вопросов, в том числе весьма отдаленно относящихся к существу дела.

В качестве примера можно привести обстоятельства уголовного дела по обвинению В. (14 лет). В ходе следствия было установлено, что В. пыталась убить своего отца путем нанесения ему ножевых ранений. На протяжении длительного времени отец систематически пьянствовал, избивал и оскорблял В., ее мать и бабушку. 7 ноября 1976 г., вернувшись домой в нетрезвом состоянии и увидев за столом пьяную ком-

панию во главе с отцом, В. выгнала посторонних из дома и нанесла отцу два удара сапожным ножом. В ходе расследования дела адвокат заявил ходатайство о проведении судебно-психологической экспертизы «для установления специалистами-психологами душевного состояния В. до совершения ею противоправных действий и в момент их совершения для решения вопроса о правильной квалификации ее действий».

Перед экспертизой необходимо было поставить вопрос: «Находилась ли В. в момент совершения ею преступных действий в состоянии физиологического аффекта?»

Между тем перед экспертами было поставлено еще пять вопросов, касающихся индивидуально-психологических особенностей В. Для решения вопроса о психологическом состоянии В. учет личностных особенностей подэкспертной был необходим, однако вопросы, более отдаленно относящиеся к главной задаче экспертизы, были излишними. Это привело к чрезмерной громоздкости психологического исследования и неверной расстановке акцентов в самом заключении: оно содержит очень тщательный и подробный анализ личности В., ее формирования и развития, а эмоциональное состояние подэкспертной в момент совершения противоправных действий должным образом не проанализировано. При этом эксперт сослался на «неразработанность проблемы аффекта в науке» и «небольшое количество данных в уголовном деле».

Судебно-психологическая экспертиза по уголовному делу Ш., как и обстоятельства этого дела, имеют некоторые сходные черты с приведенным выше примером. Ш. (15 лет) обвинялся в убийстве своего отца, который в течение многих лет пьянствовал, издевался над членами семьи.

В момент совершения противоправных действий Ш. пытался сначала задушить отца, однако затем ударил его ножом, потом камнем и бутылкой по голове.

Перед судебно-психологической экспертизой были поставлены вопросы о том, имели ли место переживания конфликтного характера у Ш., как они могли повлиять на его поведение, с учетом особенностей его личности, вопрос о наличии или отсутствии умственной отсталости у Ш. и физиологического аффекта у него в момент совершения преступления.

Эксперт-психолог провел фундаментальное исследование личности Ш., используя биографический метод, а также целый ряд экспериментальных психологических методик. В результате ответы на вопросы, поставленные на разрешение экспертизы, убедительны и научно обоснованы. Исключение

составляет лишь главный вопрос — о психическом состоянии Ш. в момент совершения им преступления. Как по объему (из 16 листов заключения лишь полстраницы посвящено психическому состоянию Ш.), так и по содержанию это, безусловно, наиболее слабое место в заключении. Дав положительный ответ на вопрос о том, находился ли Ш. в состоянии физиологического аффекта, эксперт-психолог не провел детального психологического анализа поведения Ш. в момент совершения им убийства. Доводы, которые приводит эксперт в подтверждение заключения о наличии у Ш. состояния аффекта, голословны и неубедительны.

Так, эксперт указывает, что «...несмотря на принятое решение убить отца и произведенные приготовления, Ш. пытался бороться с наступающим аффектом». После совершения преступления Ш. обнаружил «типичные признаки послеаффективного состояния».

Из заключения не видно, какие именно признаки после действия аффекта имеет в виду эксперт, на основании каких данных он пришел к выводу, что Ш. «боролся с наступающим аффектом».

Анализ двух приведенных выше судебно-психологических экспертиз демонстрирует неоправданное расширение (для подобного рода дел) исследования личности и недостаточно полное и обоснованное исследование эмоционального состояния обвиняемого.

Те или иные особенности личности могут способствовать возникновению аффекта, однако фатально к его появлению не приводят. Подчеркивая еще раз необходимость психологического исследования личности (так как психическое состояние всегда субъективно в смысле принадлежности конкретной личности, переживающей его), необходимо отметить недопустимость подмены диагностики аффекта изучением личностных особенностей подэкспертного, к чему приводит и недостаточно корректная постановка вопросов перед экспертом.

Другая крайность проявилась при проведении судебно-психологической экспертизы по уголовному делу несовершеннолетнего К. Из материалов дела известно, что П., будучи в нетрезвом состоянии, пытался избить свою сожительницу и ее сына К., угрожал убийством, в ответ на что К. выстрелом из самодельного пистолета убил П.

Психологическая экспертиза была назначена «для установления эмоционального состояния несовершеннолетнего К.».

В связи с этим перед экспертами были поставлены вопросы о наличии у К. состояния физиологического аффекта в момент совершения им преступления, конфликтных переживаний, способных существенно повлиять на его поведение, а также вопрос о том, мог ли К. сознавать значение своих действий, учитывая особенности его умственного развития.

Проведя беглый анализ обстоятельств уголовного дела, прибегая к житейским понятиям, эксперт констатирует наличие у К. конфликтных переживаний, необоснованно аргументируя это положение «отсутствием антиобщественной установки в структуре личности К.». Эксперт не провел психологического исследования «уровня и особенностей умственного развития К.», а ограничился лишь самой общей характеристикой психологических процессов — внимания, памяти, мышления и т. д. Для ответа на вопрос об аффекте эксперт приводит следующую схему (табл. 2).

Таблица 2

Последовательность событий	Последовательность психических состояний К.
1	2
П. учинил скандал с матерью К. (брань, попытка избиения)	Состояние тревоги, негодования
Попытка убить мать К.	Страх переходит в гнев, активная защита матери
П. уходит	Напряжение спало, состояние облегчения
П. принимает действия сексуального характера. Мать К. отказывает ему	Состояние беспокойства, тревоги
П. оскорбляет мать К., наносит ей удар	Состояние тревоги, гнев, активная защита
П. уходит	Состояние облегчения, успокоения
П. возвращается, пытается проникнуть в дом, угрожает расправой	Состояние тревоги, беспокойства, стресса
П. палкой разбивает окно и пытается нанести удар К.	Состояние страха, напряженности нарастает
П. угрожает расправой, ударил палкой К.	Напряженность достигла уровня физиологического аффекта, в состоянии аффекта — активная защита

На основании приведенной таблицы эксперт приходит к выводу о том, что К. находился в состоянии физиологического аффекта.

Производя чисто механический перенос внешних обстоятельств на психическое состояние, эксперт не учитывает личностный субъективный фактор, не проводит психологического анализа поведения подэкспертного и ситуации, в которой он совершает преступные действия. В заключении почти отсутствует исследовательская часть, не ясны методы, которыми пользуется эксперт. Все это приводит к выводу, что данный анализ эмоционального состояния не может быть признан удовлетворительным, а выводы экспертизы носят субъективный характер.

Диагностика аффекта представляет собой сложную задачу, и поэтому в большинстве случаев проведение соответствующей судебно-психологической экспертизы требует специализации психолога в определенной области. В связи с этим приведем еще один пример — заключение эксперта, специалиста в области физиологии труда, т. е. весьма далекого от проблем общей и юридической психологии.

В заключении по уголовному делу С., обвиняемому в убийстве М., эксперт-психолог приходит к выводу, что «...в момент инкриминируемых ему действий эмоциональное состояние С. не может быть охарактеризовано как физиологический аффект по следующим причинам: все поведение С. не отличалось от обычного. Действия его носили хорошо координированный характер, лицо было спокойное, кровь к лицу не прилиwała, вены на лбу не набухали, глаза не блестели, дышал он ровно и спокойно, ничего не говорил. Все производимые им движения были согласованными, неторопливыми, руки у него не дрожали. Против наличия физиологического аффекта в момент выстрела свидетельствует быстрая адекватная оценка случившегося непосредственно после выстрела, тогда как при физиологическом аффекте осознание совершенных действий наступает позднее».

На основании изложенного эксперт приходит к выводу, что в момент убийства М. обвиняемый в состоянии внезапно возникшего сильного душевного волнения не находился.

Как видно, эксперт имеет недостаточное представление о состоянии аффекта, механизмах его возникновения и развития во времени. Поверхностный характер заключения эксперта проявляется в ориентации преимущественно на чисто внешние проявления, которые значимы лишь в совокупности с другими данными.

Привлечение в качестве экспертов-психологов лиц, не обладающих достаточными специальными познаниями и опы-

том проведения экспертиз такого рода, может приводить и к парадоксальным явлениям, когда практически одни и те же основания лежат в основе противоположных выводов экспертизы.

В качестве примера приведем две судебно-психологические экспертизы, проведенные по уголовному делу Р., обвиняемому по ст. 94 УК УССР. Обстоятельства дела таковы: С. неоднократно оскорблял национальное достоинство Р. Непосредственно перед убийством, выпивая совместно с Р., С. вновь высказал подобное замечание, в ответ на что Р. ударил его ножом.

Перед судебно-психологической экспертизой были поставлены вопросы: «Находился ли Р. в момент совершения преступных действий в состоянии физиологического аффекта?», «Мог ли Р., с его уровнем умственного развития, правильно воспринимать действия С., а также правильно осознавать значение своих конкретных действий и руководить ими?».

Эксперт-психолог, проведя судебно-психологическую экспертизу, пришел к выводу о том, что Р. находился в исследуемый период времени в состоянии физиологического аффекта. В ходе следствия была назначена повторная психологическая экспертиза, на разрешение которой были поставлены те же вопросы. В результате проведения повторной экспертизы эксперты сделали вывод о том, что Р. в состоянии аффекта не находился.

В заключениях экспертиз освещаются следующие вопросы:

1. Отношение Р. к оскорблению его национального достоинства: а) в первом случае эксперт указывает, что «...узость кругозора Р. способствовала восприятию этого как резкого оскорбления»; б) в заключении повторной экспертизы говорится, что, «учитывая уровень интеллектуального развития Р., трудно себе представить, что он мог воспринять высказанное как обиду или оскорбление».

2. а) неоднократные неуважительные высказывания С. в адрес Р. и его национальности «...подготовили почву для будущего аффекта»;

б) указанные высказывания С. «не воспринимались Р. в качестве обиды (не являлись почвой для аффекта), так как он продолжал поддерживать отношения с С.».

3. а) удар ножом Р. совершил в состоянии аффекта, «когда под влиянием быстротечного и сильного эмоционального состояния самоконтроль действий Р. был ограничен»;

б) «Аффект — состояние быстротечное и молниеносно возникающее. У Р. состояния аффекта не было, так как он с целью совершить убийство прошел несколько метров, чтобы взять нож, а такое продолжительное действие нельзя объяснить состоянием аффекта. Алкоголь и насмешки С. вызвали у Р. сильное нервное перевозбуждение, гнев, злость, что и привело к убийству».

Сопоставление этих двух заключений демонстрирует субъективизм в оценке ситуации, в которой совершено преступление, а также бедность научной аргументации экспертов.

Нужно особо подчеркнуть недопустимость привлечения экспертов-психиатров для решения вопроса об аффекте, не относящегося к сфере их научной компетенции, ибо зачастую в этих случаях заключение эксперта слабо аргументировано и обосновано.

Так, по делу Л., обвиняемого в убийстве жены, была проведена психологическая экспертиза малолетней свидетельницы для выяснения ее способности правильно воспринимать важные для дела обстоятельства и давать о них правильные показания. В отношении же обвиняемого была назначена судебно-психиатрическая экспертиза.

Перед судебно-психиатрической экспертизой не ставился вопрос о состоянии аффекта у обвиняемого, выяснялся лишь вопрос о его вменяемости. Однако эксперты-психиатры в своем заключении делают вывод, что в момент совершения убийства жены Л. находился в состоянии физиологического аффекта. При этом в заключении экспертов отсутствует исследовательская часть, не приводятся основания такого вывода, а имеется лишь ссылка на то, что со слов Л. известно, что жена ему сказала о том, что у нее есть любовник, но отказалась назвать его и в ответ на возмущение Л. ударила его по лицу. Л. «разволновался», взял нож и убил ее.

Суд квалифицировал преступные действия Л. как убийство в состоянии сильного душевного волнения и указал в приговоре, что вывод суда «подтверждается актом судебно-психиатрической экспертизы о наличии у Л. аффекта, пояснениями подсудимого и заключением медицинской экспертизы о наличии у него кровоподтека под глазом».

Очевидно, оснований для вывода о наличии физиологического аффекта у Л. недостаточно. Психическое состояние Л. в момент совершения им убийства не рассматривалось и не исследовалось, однако эксперты-психиатры исходят из наличия у него состояния аффекта.

Не останавливаясь на этом вопросе подробно, еще раз подчеркнем, что экспертная диагностика эмоционального состояния здорового человека не относится к области научных познаний психиатра и потому не входит в его компетенцию. Формальный подход, затрагивающий лишь внешнюю сторону событий и не касающийся особенностей внутреннего, собственно психического состояния Л. при совершении им убийства, не может обеспечить научно обоснованной диагностики аффекта.

По делу С., обвиняемого в убийстве своего отца, была назначена судебно-психиатрическая экспертиза для решения вопроса о «психической полноценности С.».

По делу установлено, что отец С. систематически пьянствовал, жестоко избивал жену и детей. Обстановка в семье столь тяжело переживалась С., что он пытался покончить жизнь самоубийством. Непосредственно перед совершением С. убийства отец устроил дома очередной скандал, угрожал членам семьи топором, в ответ на что С. схватил ружье и двумя выстрелами убил отца. Эксперты-психиатры пришли к выводу, что С. психическим заболеванием не страдает и является вменяемым.

Одновременно комиссия экспертов отметила, что С. в момент совершения преступления находился в состоянии сильного душевного волнения, аргументируя это тем, что состояние возникло внезапно, непосредственно в ответ на покушение на убийство матери. Эксперты указали, что С. о совершенных действиях хорошо помнит, последовательно их излагает и мотивирует, что «подтверждает наличие у него сильного душевного волнения, не достигающего, однако, степени патологического аффекта».

Сама методология проведенного экспертного исследования весьма уязвима: эксперты фактически исходят из предположения, что С. находился в состоянии аффекта, и видят свою задачу только в том, чтобы квалифицировать этот аффект как физиологический или патологический. Поэтому, исключая патологический аффект, делают механический по существу вывод о наличии физиологического аффекта (называя это состояние сильным душевным волнением).

Еще раз напомним, что физиологический аффект относится к неболезненным, нормальным психологическим явлениям и имеет свои специфические проявления, отнюдь не исчерпываемые теми моментами, которые затрагивают в своем заключении эксперты-психиатры. Указание же на отсутствие

амнезии и последовательное изложение событий не является доказательством наличия физиологического аффекта, а свидетельствует лишь об отсутствии патологического аффекта, диагностика которого действительно относилась к компетенции экспертов-психиатров.

Приведенные примеры наглядно демонстрируют некоторые типичные ошибки и недостатки судебно-психологических экспертиз аффекта, в значительной степени связанные с недостаточной компетентностью в этих вопросах привлекаемых специалистов, отсутствием навыков экспериментально-психологического исследования в специфических условиях экспертной деятельности.

В заключениях этих экспертов можно усмотреть следующие основные недостатки: отсутствие исследовательской части; неясность и расплывчатость используемых методов; неумение использовать в экспертных целях методы психологического наблюдения, беседы, эксперимента; подмена научного исследования житейскими рассуждениями по поводу вопросов, поставленных перед экспертами; отсутствие психологического анализа ситуации, субъективизм в ее оценке; подмена диагностики аффекта исследованием личности и, наоборот, отсутствие исследования личностных особенностей; отсутствие анализа поведения подэкспертного, его психологической расшифровки, выяснения воздействия психического состояния на сознание и деятельность обвиняемого.

ГЛАВА III. МЕТОДЫ СУДЕБНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ ЭКСПЕРТИЗЫ АФФЕКТА

§ 1. Общая характеристика методов судебно-психологической экспертизы аффекта

Одной из важнейших методических трудностей, возникающих при производстве судебно-психологических экспертиз аффекта, является невозможность использования в готовом виде большей части психологических методов диагностики эмоциональных состояний, так как эти методы позволяют регистрировать состояние лишь в момент исследования.

Распространенным методом изучения эмоциональных процессов является метод наблюдения. Предметом наблюдения могут быть мимика, пантомимика, изменения тембра голоса человека и другие признаки внешнего выражения эмоций. Очевидно, этот метод пригоден для целей экспертного исследования лишь в ограниченной мере. Он указывает на

некоторые свойства эмоциональной сферы, но непосредственно на вопрос о наличии в прошлом аффекта ответа не дает.

Большое количество методов диагностики эмоциональных состояний основано на непосредственном измерении их объективных характеристик с помощью различных приборов. Применение этих методов основано на известном в психологии факте, заключающемся в том, что эмоциональные состояния (в том числе и аффект) вызывают в организме человека значительные вегетативные сдвиги. К числу индикаторов (признаков) аффективных состояний относятся: изменения давления крови, частоты пульса, особенностей дыхательного процесса, кожно-гальванической реакции и т. д. Но следы (вегетативные) пережитого эмоционального состояния настолько непрочны, что уже по прошествии короткого времени обнаружить и зарегистрировать их невозможно.

Вместе с тем, исследуя при помощи физиологических индикаторов психологически различные состояния, невозможно обнаружить их качественные отличия: измерения частоты пульса, дыхания, КГР и уровня адреналина в крови могут выявить лишь интенсивность переживаний и ничего не говорят об их психологической специфике.

Невоспроизводимость эмоционального состояния субъекта в момент совершения им противоправных действий приводит к необходимости при проведении судебно-психологической экспертизы состояния аффекта использовать ретроспективный анализ внешних признаков этого состояния, проявляющихся в поведении подэкспертного в исследуемый период времени, что и является главной специфической особенностью данного вида экспертной деятельности.

Недоступность непосредственному анализу объективных признаков исследуемого состояния делает необходимым его реконструкцию по имеющимся в распоряжении эксперта данным о событиях, происшедших задолго до проведения экспертизы (по материалам уголовного дела, дополнительным сведениям, которые эксперт может получить у обвиняемого в ходе проведения экспертизы).

Основная трудность ретроспективного анализа этих явлений заключается в отсутствии достаточно полных и непротиворечивых сведений об интересующих событиях, учете сознательных или невольных ошибок и неточностей в показаниях подэкспертного и свидетелей.

В юридической литературе высказывалась точка зрения, что неправильным является, когда эксперт в основу своего

заклучения кладет не только результаты исследования им соответствующего объекта на основе специальных знаний, но и материалы предварительного и судебного следствия.

Критика этой позиции представляется справедливой: в тех случаях, когда объектом экспертизы служит факт, который не может в непосредственном виде подвергнуться экспертному исследованию (в частности, например, состояние психики обвиняемого в момент совершения преступления, диагностика его эмоционального состояния), эксперт должен основывать свои выводы на данных об этом факте, в том числе содержащихся в показаниях потерпевших, свидетелей, обвиняемого и т. д.

При этом эксперт не оценивает показания свидетелей, а производит анализ фактов под углом зрения своих специальных познаний. Доказательственную ценность заключения эксперта имеют при этом не копирование известных данных, а выводы из них, сделанные экспертом на основе его специальных знаний, т. е. новые факты, установленные в результате самостоятельного экспертного исследования.

В свидетельских показаниях, как и во всяких житейских наблюдениях, факты не организованы в систему, случайны. Задача эксперта состоит не в регистрации этих фактов, а в научном их объяснении, раскрытии их внутреннего психологического содержания, т. е. в том, чтобы с позиций научной психологии произвести оценку выраженных в житейских понятиях фактов, максимально извлечь психологически существенные моменты из данных непсихологического назначения.

Тщательный анализ показаний свидетелей и обвиняемого, а также изучение других материалов уголовного дела позволяют установить, насколько последовательным и целенаправленным являлось поведение субъекта, были ли его действия адекватными их целям в момент совершения преступления. Изучение и психологический анализ этих факторов могут дать эксперту-психологу информацию о состоянии сознания подэкспертного.

В ходе изучения материалов дела эксперт-психолог должен дать психологическую оценку изученным действиям (наличие или отсутствие в них автоматизма является важным признаком наличия или отсутствия состояния аффекта), его поведению после совершения преступления (постаффективное состояние), тщательно проанализировать свидетельские показания о внешнем виде человека в момент совершения противоправных действий и после них, ситуации, в которой совер-

шено преступление (ее конфликтность с психологической точки зрения), сведения, характеризующие личность подэкспертного, анамнестические¹ и иные данные.

Недостаточность сведений в материалах уголовного дела эксперт-психолог может компенсировать, уточняя интересующие его детали самоощущений в период совершения субъектом противоправных действий путем проведения клинической беседы с подэкспертным.

Полученные в ходе клинической беседы данные существенным образом дополняют сведения, полученные экспертом при изучении уголовного дела, ибо в этих обстоятельствах психолог имеет возможности для целенаправленного выяснения, имели ли место в исследуемый период времени основные симптомы аффекта у подэкспертного, каковы были психологические особенности его поведения до совершения преступления, в момент его совершения и непосредственно после него. При этом особое внимание эксперта должно быть также направлено на наличие постаффективных нарушений памяти, на анализ субъективного восприятия ситуации совершения преступления подэкспертным, внезапности возникновения аффекта.

В целях выяснения особенностей личности подэкспертного необходимо изучение биографических и автобиографических данных об условиях формирования личности, перенесенных заболеваниях, индивидуальной склонности к аккумуляции (или «канализации») аффективных переживаний, ведущем типе реакций у подэкспертного в сложных экстремальных условиях (стеннический — астенический), его эмоциональной устойчивости (или лабильности), стереотипах поведения в состоянии опьянения.

Для диагностики личности возможно использование различных тестов. Тесты — это испытания или задачи, которые предлагается решить испытуемому для того, чтобы на основании выполнения задания определить соответствующие психологические особенности испытуемого. Результат выполнения тестов соотносится с заранее определенным эталоном личностных характеристик, а также способов действия человека. Основная идея тестов заключается в том, чтобы по продукту или результату деятельности определить те психологические данные, которые в ней раскрываются, т. е. по внешнему результату деятельности определить ее внутреннюю психологическую природу.

¹ Анамнез — сведения о жизненном пути и условиях развития.

Чаще всего применяется два вида тестов: субъективные (разновидность опроса) и прожективные. В первом случае испытуемому предлагается серия вопросов, ответы на которые оцениваются экспериментатором при помощи специальных приемов психодиагностики в их совокупности.

Прожективные тесты, так же как и субъективные, не имеют правильного, верного решения — значение имеет лишь субъективный личностный смысл тех или иных неопределенных ситуаций, которые предлагаются испытуемому для интерпретации в виде картинок или графических изображений.

Необходимо отметить, что невозможно определить единый набор тестовых методик для всех случаев проведения экспертиз состояния аффекта. Выбор их для проведения исследования в рамках судебно-психологических экспертиз в значительной степени определяется конкретными задачами каждой отдельной экспертизы.

Диагностика состояния аффекта экспертом-психологом предполагает не только знания основных условий его возникновения и развития во времени, но и принципиальных возможностей симуляции этого состояния.

Симуляция аффекта сложна. Развиваясь по известным психологическим законам, аффект характеризуется значительным числом психологических признаков, он может возникать в ситуациях, имеющих определенные особенности, т. е. в конфликтных ситуациях. Значительное число психологических критериев диагностики аффекта и тот факт, что их оценка производится в совокупности друг с другом, затрудняют симуляцию этого состояния.

Необходимо отметить, что диагностика аффекта опирается в первую очередь на его объективные признаки, такие, как сужение сознания (проявляющееся в специфическом поведении), автоматизм в действиях, динамические особенности аффекта, постаффективное состояние, и лишь затем, в сопоставлении с этими данными, учитываются субъективные моменты — запомывание подэкспертным некоторых элементов ситуации совершения преступных действий, внезапность возникновения аффективной вспышки, а также оценочные показания свидетелей о его внешнем виде в момент совершения преступления и пр.

Легче всего симулировать субъективные моменты, однако указаний подэкспертного на запомывание отдельных действий и высказываний, своих и окружающих, недостаточно

для признания факта изменения сознания в момент совершения преступления. О состоянии сознания, кроме перечисленных выше, можно судить по другим косвенным признакам — состоянию внимания, особенностям речевой деятельности и др.

Большое значение имеет экспертная оценка предрасполагающих личностных особенностей, а также всей совокупности условий и факторов, способствующих возникновению аффекта в данной конкретной ситуации.

Лишь оценка всех полученных в ходе проведения судебно-психологической экспертизы данных об особенностях поведения подэкспертного при совершении преступления, его личности, наличии конфликтной ситуации позволит эксперту правильно ответить на вопрос, находился ли данный человек в исследуемый момент в состоянии физиологического аффекта.

Из сказанного следует, что при проведении судебно-психологической экспертизы состояния аффекта необходимо использовать комплекс методов, так как ни один из них, взятый в отдельности, не может выявить достаточной для категорического вывода информации.

Этот комплекс должен включать в себя: 1) изучение материалов уголовного дела; 2) анализ анамнестических сведений; 3) беседу с обвиняемым, а при необходимости и участие в его допросе; 4) экспериментальное, в том числе тестовое, обследование подэкспертного; 5) ретроспективный психологический анализ поведения подэкспертного в момент совершения противоправных действий, до и после них.

§ 2. Изучение личности при производстве экспертизы

Изучение личности, хотя и не исчерпывает всех вопросов, требующих своего разрешения для диагностики физиологического аффекта, является необходимым, так как действие сложной аффектогенной ситуации всегда опосредовано особенностями человека, находящегося в этих условиях, индивидуальными свойствами его психики и нервной системы, зависит от его индивидуально-психологических особенностей.

Оценивая большую или меньшую личностную предрасположенность к возникновению аффективного взрыва в конфликтной ситуации, эксперт-психолог должен сосредоточить внимание на следующих основных моментах: наличии у обследуемого склонности к аккумуляции аффективных пережи-

ваний, определении степени присущей данному лицу эмоциональной устойчивости (или лабильности) в аффектогенных ситуациях.

В этой связи экспертное исследование должно быть направлено на изучение особенностей воспитания, условий формирования личности; наличия аффективных комплексов, которые формируются в случае, когда человек подавляет отрицательные эмоции, не дает им «вылиться»; индивидуального ведущего типа реакций на препятствия, барьеры, мешающие осуществлению деятельности человека; наличия тенденции к ситуативности в поведении; повышенной чувствительности к эмоциогенным раздражителям, мнительности, ранимости, впечатлительности, легкой возбудимости; отношения испытуемого к собственной личности, особенностей его самооценки (реакции на успех и неуспех, свидетельствующие о внутренней неустойчивой самооценке и эмоциональной лабильности); стереотипов поведения подэкспертного в состоянии опьянения; сведений о хронических заболеваниях, усталости, перенапряжении, бессоннице накануне совершения преступления; возможного влияния на поведение возрастных факторов; уровня самоконтроля.

Эти данные могут быть получены:

А. В ходе изучения материалов уголовного дела. В процессе их изучения эксперт должен проанализировать все сведения, характеризующие личность подэкспертного: характеристики (в первую очередь не формальные, производственные, а полученные от свидетелей по делу — родственников, сослуживцев, знакомых); анамнестические сведения (в том числе содержащиеся в актах судебно-психиатрических экспертиз и других документах).

Б. В процессе беседы с подэкспертным выясняются сведения:

1) о семье, взаимоотношениях родителей между собой, их отношении к детям, взаимоотношениях подэкспертного с другими членами семьи; в некоторых случаях эти данные позволяют выявить стереотипы агрессивного поведения у подэкспертного, усвоенные в детстве;

2) о наличии травм головы, хронических заболеваний и других факторов, способствующих формированию эмоциональной неустойчивости, повышенной утомляемости у подэкспертного;

3) об обучении в школе, круге интересов, удовлетворенности полученным образованием, работой, занимаемой должностью;

4) о взаимоотношениях с друзьями, родственниками, сослуживцами (преобладающий, характерный для подэкспертного способ выхода из эмоционально значимых ситуаций).

В. В результате применения личностных методов. Изучение самооценки, некоторых черт характера, особенностей эмоциональности, направленности личности, ее защитных механизмов (тестовые методики).

Большая значимость психологического изучения личности подэкспертного в ходе проведения судебно-психологической экспертизы состояния аффекта приводит к тому, что практические работники нередко ставят перед экспертом отдельный вопрос о том, могли ли характерологические особенности подэкспертного, и в частности особенности его эмоциональной сферы, повлиять на его поведение в период совершения преступления или в предшествующий ему период.

В ходе проведения экспертизы по уголовному делу С., обвиняемого по ст. 103 УК РСФСР, эксперты-психологи в целях исследования психологических особенностей личности подэкспертного использовали ряд психологических методов, в том числе тест Роршаха и тест Розенцвейга. Эти методы широко используются в психодиагностических исследованиях психологических особенностей человека. Они позволяют выявить продуктивность интеллектуальной деятельности, особенности эмоциональности, некоторые черты характера, направленность личности, ее защитные механизмы и др.

В ходе проведения исследования были выявлены, в частности, такие индивидуально-психологические особенности С., как высокий уровень притязаний, несоответствие его способностям С., завышенная самооценка, отсутствие у него склонности к самоанализу, неспособность детально описывать свои внутренние переживания, склонность к рационализму и поверхностным социальным отношениям, сильно выраженная способность к самоконтролю и управлению нежелательными эмоциями. Кроме того, проведенное экспертное исследование показало, что С. не свойственна эмоциональная фиксация на трудностях, а характерно стремление оградить себя от конфликтных и эмоционально значимых ситуаций, у него хорошо развиты механизмы самозащиты, наблюдается склонность к подавлению своих агрессивных тенденций.

Выявленные при обследовании индивидуально-психологические особенности С. характерны для лиц, предрасположенных к аффективным срывам и склонных к совершению в этом состоянии агрессивных насильственных действий.

Изучение личности С. с учетом ситуации совершения им противоправных действий существенно дополнило материалы экспертного исследования эмоционального состояния С. в момент совершения им убийства.

Вопрос об индивидуально-характерологических особенностях, их влиянии на возникновение аффективных состояний в некоторых случаях возникает в отношении потерпевших, в частности по делам о половых преступлениях.

При расследовании дел об изнасилованиях вопрос о том, находилась ли потерпевшая в состоянии аффекта страха, возникает в тех случаях, когда потерпевшей не было оказано достаточно активное и интенсивное сопротивление лицам, совершавшим в отношении нее насилие. Отсутствие сопротивления со стороны потерпевшей, не находившейся в беспомощном состоянии, при отсутствии у нее состояния аффекта может свидетельствовать о том, что свои действия обвиняемые совершали с ее согласия.

Аффект страха у потерпевшей может существенно изменить ее поведение в момент совершения против нее противоправных действий, так как для этого состояния свойственны преобладание процессов торможения в центральной нервной системе и — как следствие этого — пассивные защитные формы реагирования на экстремальные условия и конфликтную ситуацию.

В этой связи важным моментом исследования в рамках судебно-психологической экспертизы является изучение характерологических особенностей потерпевшей, которые могли способствовать возникновению у нее аффекта страха.

По одному из дел такого рода была проведена комплексная судебная психолого-психиатрическая экспертиза. Комплексная экспертиза была назначена в связи с тем, что у следствия возникли вопросы: находилась ли потерпевшая при совершении с ней половых актов в состоянии психического расстройства, имеются ли у нее признаки умственной отсталости и, если имеются, в чем они конкретно выражаются. Эти вопросы входят в компетенцию эксперта-психиатра, поэтому решение их было предоставлено специалисту в области психиатрической науки. Проведенное исследование привело к отрицательному ответу на поставленные вопросы. Это позволило психологам приступить к психологической части экспертизы.

В числе других перед ними был поставлен вопрос о том, какие характерологические особенности потерпевшей Ж. мог-

ли оказать существенное влияние на ее поведение и способствовать возникновению у нее аффекта страха в ситуациях, непосредственно предшествующих совершению половых актов, и в момент их совершения. Следствием установлено, что группа подростков неоднократно совершала половые акты с несовершеннолетней Ж., при этом она значительного сопротивления не оказывала, о случившемся никому не рассказывала. В процессе экспертизы были изучены материалы дела, проведены экспериментально-психологическое исследование, беседы с подэкспертной и ее матерью. Установлено, что Ж. очень тихая и скромная девочка. Характерными чертами ее являются безынициативность, отсутствие самостоятельности во мнениях, привычка подчиняться. Пассивность и нерешительность, астенический тип реакций, легкая подчиняемость и боязливость — основные ее характерологические особенности. Ж. боится кому-нибудь не угодить, не склонна к конфликтам и ссорам со сверстниками, самостоятельных мыслей не высказывает. В эксперименте она продемонстрировала большую внушаемость. Мать характеризует Ж. как послушную, уступчивую девочку, беспрекословно выполняющую все требования родителей и окружающих.

Исследование привело экспертов к выводу, что Ж. по складу характера не обнаруживает тенденции к активным решительным действиям, возможности оказания противодействия психическому и физическому насилию у нее невелики. Эти характерологические особенности подэкспертной могли способствовать возникновению у нее в период совершения против нее насильственных действий состояния аффекта страха.

Таким образом, при проведении судебно-психологической экспертизы аффекта исследование личностных и, в частности, эмоциональных особенностей подэкспертного необходимо и дает богатый материал для анализа специфики его поведения в сложных экстремальных условиях.

Однако необходимо иметь в виду, что изучение личности подэкспертного само по себе не дает достаточных оснований для заключения о наличии у него состояния аффекта в момент совершения им (или против него) противоправных действий. На основании полученных в ходе проведения экспертизы результатов исследования личности можно говорить лишь о большей или меньшей предрасположенности человека к возникновению у него состояния аффекта (стенического или астенического) в данной конкретной ситуации.

§ 3. Ретроспективное изучение поведенческих признаков аффекта

Дезорганизация при аффекте интеллектуальной сферы и волевых процессов отражается на поведении человека, проявляется в его действиях.

К числу диагностических признаков аффекта относятся:

Специфические изменения сознания. Одной из наиболее важных и существенных характеристик аффекта является влияние его на способность человека в полной мере сознавать значение своих действий и руководить ими. Это объясняется тем, что при аффекте происходят сужение сознания, концентрация его на аффективно значимых переживаниях. Внешне это выражается в нарушении адекватности, целенаправленности и последовательности поведения, при этом человек совершает действия, обращенные на ближайшие объекты и цели, без учета возможных последствий.

Примером нарушения адекватности и целенаправленности поведения могут служить действия Г. После совершения убийства он с пистолетом в вытянутой руке натолкнулся на шедшего ему навстречу свидетеля. При этом Г. ничего не замечал и уперся пистолетом в грудь свидетеля. На его вопрос о том, что случилось, отвечал бессвязно.

Нарушение адекватности поведения наблюдалось у М. в момент совершения убийства: избивая К., он срывал с нее одежду и бросал в находящуюся рядом речную протоку, наносил удары с разгона и т. п.

Другим примером непоследовательности и неадекватности поведения являются действия обвиняемого К., который после совершения убийства не вышел в открытую дверь, около которой стоял, а выскочил из окна.

При проведении судебно-психологической экспертизы Т. было установлено отсутствие у обвиняемого в момент совершения убийства концентрации внимания на сугубо аффективных переживаниях, о чем свидетельствовал тот факт, что при совершении преступления Т. сохранил в сознании все детали окружающей обстановки, не относящейся непосредственно к преступным действиям, и в дальнейшем эти детали легко воспроизводил, что указывает на отсутствие у него аффективных изменений сознания.

Не было обнаружено характерной для аффекта концентрации внимания и у Л. при проведении судебно-психологической экспертизы. Об отсутствии фиксации внимания свиде-

тельствовал тот факт, что в период совершения преступления Л. сохранил в сознании возможность нежелательного для себя вмешательства со стороны посторонних лиц, работающих неподалеку от места происшествия. Как пояснил обвиняемый, этими обстоятельствами объясняется то, что после первого удара топором он перетащил потерпевшего в кусты за колючую проволоку, где ему был нанесен второй смертельный удар.

Таким образом, аффективное сужение сознания находит свое выражение в поведении человека. Единое для всех случаев решение вопроса о конкретных проявлениях изменений сознания не представляется возможным. Однако в целом концентрация сознания на аффективно окрашенных переживаниях приводит к тому, что поведение приобретает черты ситуативности, негибкости, вступает в противоречие с ведущими мотивами и основными жизненными планами личности.

Внезапность возникновения аффекта. Состояние аффекта переживается человеком как навязанное, независимое от его воли, что в значительной степени связано с внезапностью возникновения этого состояния. Психологически внезапность следует понимать в смысле внезапности субъективной, т. е. неожиданного для самого субъекта возникновения эмоциональной вспышки. Субъективная внезапность возникновения аффекта может иметь место с одинаковой вероятностью как в случае воздействия сильного аффектогенного раздражителя, так и в результате аккумуляции аффективных переживаний. В психологии известно, что повторение ситуаций, вызывающих отрицательные аффективные состояния, ведет к аккумуляции аффекта, что может приводить к возникновению аффективного взрыва в ответ, казалось бы, на незначительный повод.

В последнем случае может сложиться впечатление, что субъект должен был уже привыкнуть, приспособиться к аффектогенным раздражителям или же, наоборот, у него сформировалась внутренняя готовность к аффективной вспышке. При таком взгляде, действительно, возникает иллюзия отсутствия элемента внезапности. Ошибочность такого подхода состоит в подмене субъективной внезапности кажущейся подготовленностью вспышки всем ходом событий, в игнорировании того факта, что аффективные ситуации вызывают не привыкание, а аккумуляцию аффекта.

Субъективное переживание аффекта как состояния внезапного связано и с тем обстоятельством, что аффект — это не

Image2PDF Pilot 2.14.

просто сильное волнение или интенсивная эмоция, а состояние качественно принципиально иное по сравнению даже со значительным эмоциональным напряжением, характеризующееся специфическим влиянием на сознание и деятельность человека. Поэтому даже в тех случаях, когда аффект возникает в ответ на внешне незначительный стимул на фоне интенсивного эмоционального переживания (в результате перехода количественных изменений в качественные), это состояние субъективно воспринимается как неожиданное, новое, внезапное. В беседе с подэкспертным (в случае, если в момент совершения преступления он находился в состоянии аффекта), как правило, можно получить сведения об ощущении внезапно наступившего выключения сознательного контроля за поведением.

Послеаффективные нарушения памяти. Изменения сознания, характерные для аффекта, приводят к последующему забыванию некоторых событий, связанных с аффектогенной ситуацией. Полная сохранность воспоминаний обо всех деталях ситуации, действиях не только своих, но и окружающих может косвенным образом свидетельствовать об отсутствии сужения сознания, при котором утрачиваются многие воспоминания о пережитых в состоянии аффекта событиях.

Послеаффективные нарушения памяти, хотя и не достигают степени полной амнезии (характерной для патологического аффекта и иных болезненных состояний психики), проявляются в забывании отдельных элементов ситуации: во всех случаях, когда противоправное поведение субъекта сопровождается нарушением целенаправленности и адекватности, отмечается и забывание подэкспертным некоторых обстоятельств расследуемого события.

Однако необходимо иметь в виду, что такого рода ссылки подэкспертных на нарушения памяти могут носить и защитный характер. Поэтому при проведении судебно-психологической экспертизы нужно учитывать, что эта характеристика аффекта как субъективная имеет второстепенное значение и может иметь смысл лишь в совокупности с иными, объективными признаками аффекта.

Специфические особенности аффективных действий. Действия, совершенные в состоянии аффекта, представляют собой единую ответную реакцию на те или иные субъективно значимые для человека действия потерпевшего. При этом характерно нарушение сложных действий, стереотипные протекают быстрее, имея тенденцию к автоматизму. Двигательное

возбуждение, беспорядочные действия, наличие в них автоматизма являются важными показателями аффекта.

В случае совершения убийства или нанесения тяжких телесных повреждений при помощи огнестрельного оружия о наличии автоматизма могут свидетельствовать не только неоднократность выстрелов, но и короткий временной интервал между ними. Те же закономерности характерны и для совершения преступления с применением холодного оружия. Значительное количество ножевых ранений, часть из которых наносится посмертно, может служить показателем автоматизма действий. Необходимо учитывать, что рассеянная локализация ранений или ударов при значительном их количестве может свидетельствовать не только об автоматизме в действиях, но и об отсутствии целенаправленности в поведении.

При аффекте происходит мобилизация всех физических сил организма, и в этом состоянии человек иногда совершает действия, по силе превышающие его обычные возможности.

Так, в ходе судебно-психологической экспертизы по уголовному делу С. было установлено, что подэкспертный, человек астенического телосложения и не обладающий большой физической силой, сумел выбить запертую на два замка массивную дверь, чего не смог повторить позднее, во время следственного эксперимента.

По материалам другого дела было установлено, что К. (физически слабый человек) нанес М. большое количество ударов палкой по голове, при этом удары были столь сильны и разрушительны, что палка разлетелась: при осмотре комнаты было найдено множество разбросанных щепок.

По уголовному делу Р. в поведении его при совершении преступления не было установлено явлений двигательного возбуждения и автоматизма. Убийство было совершено двумя ударами. Между первым ударом — топором и вторым ударом — ножом прошел значительный промежуток времени (5—10 минут), в течение которого Р. вел себя целенаправленно, разговаривал со своей сестрой и матерью, рассказывал им о происшедшем. Эти факты наряду с другими свидетельствуют о том, что Р. при совершении преступных действий в состоянии аффекта не находился.

Постаффективное состояние. В момент аффективного взрыва происходит расходование большого количества нервной энергии. После него наступает своеобразное состояние

оглушенности и упадка сил. Постаффективное состояние характеризуется расслабленностью, усталостью, сниженной активностью, апатией, субъективным чувством облегчения.

Такое состояние было установлено экспертизой по уголовному делу М., обвиняемого в убийстве. После его совершения М. сидел, закрыв лицо руками, не предпринимал никаких активных действий, не отвечал на вопросы, позднее в беседе с экспертом сообщил, что чувствовал сильную усталость, «все тело было разбито и сильно дрожало».

Другой подэкспертный Т., напротив, после совершения убийства не только активно действовал, перетаскивая убитого в более укромное место, но вслед за тем в короткое время преодолел значительное расстояние — более двух километров.

При проведении аналогичной экспертизы по делу Ж. также было установлено, что Ж. непосредственно после нанесения смертельного ранения Г. скрылся с места преступления и несколько километров пробежал в тяжелых сапогах без остановки по снегу, при этом, как отмечает подэкспертный, усталости не чувствовал.

Анализ этих фактов говорит об отсутствии у обвиняемых специфического постаффективного состояния, что в сопоставлении с другими данными свидетельствует об отсутствии аффекта при совершении ими преступлений. Наличие постаффективного состояния, как правило, выражается в невозможности совершения человеком активных действий, в частности по сокрытию следов преступления, или иных усилий, требующих большого физического и нервного напряжения.

Наличие внешних признаков аффекта. Показания свидетелей о наличии внезапного изменения эмоционального состояния субъекта в исследуемый период являются чрезвычайно ценными для диагностики состояния аффекта. Специфические изменения голоса, мимики, внешнего вида являются существенными диагностическими признаками.

Так, по показаниям свидетелей, Н. в момент совершения убийства говорил «не своим, чужим, хриплым голосом», «был чрезвычайно бледен», «его всего трясло».

По уголовному делу Г. свидетели показали, что после первого выстрела «глаза его были расширены, красные, на них выступили слезы». Затем он подошел к потерпевшему и, «совсем плача», три раза подряд выстрелил в него. После этого Г., «расстроенный и возбужденный, выскочил в другое помещение», где бессвязно отвечал на вопросы, лицо у него было «очень белое», «глаза выражали ужас», «зрачки расширены», при этом он «весь дрожал».

Такого рода специфические изменения внешнего вида субъекта являются следствием тех изменений (физиологических, биохимических и вегетативных), которые происходят в организме человека, переживающего аффект.

Последующее отношение к совершенным под влиянием аффекта действиям. В большинстве случаев обвиняемые сожалеют о случившемся, легко рационализируют свое поведение, указывают на возможные непротивоправные выходы из сложившейся в тот момент ситуации.

Таким образом, при проведении экспертизы необходимо тщательным образом детально проанализировать все поведение субъекта до, после и в момент совершения преступления, ориентируясь при этом на отмеченные диагностические признаки.

§ 4. Изучение ситуации преступления

Необходимым звеном в экспертном исследовании является психологическое изучение ситуаций, способствующих появлению и провоцирующих возникновение данного эмоционального состояния.

В психологии общепризнано, что аффект возникает как реакция на фактически наступившую, сложившуюся ситуацию и в этом смысле является как бы сдвинутым к концу события. Аффект возникает в условиях травмирующих факторов как реакция на опасность, угрозу жизни, насилие со стороны кого-либо, т. е. в ситуациях, затрагивающих физическое существование человека. К возникновению аффекта могут приводить также различные социальные конфликты, оскорбления, унижение достоинства личности, задевающие ее самооценку.

Психологически такие ситуации можно охарактеризовать как конфликтные, когда возможность (субъективная) для адекватного поведения существенно снижена. Ситуация является конфликтной для субъекта, когда при необходимости продолжать деятельность он встречается с субъективно непреодолимыми препятствиями.

У подавляющего большинства людей аффект может развиться, например, в условиях острого дефицита времени, если человеку необходимо быстро сориентироваться в сложной ситуации, принять решение о своих дальнейших действиях и практически реализовать это решение. Конфликт между объективной необходимостью действовать и субъективной сложностью адекватного выхода из сложившейся ситуации при-

водит к возникновению аффекта. Субъективное отсутствие адекватных средств для выхода из ситуации ведет к нарастанию напряженности и затем бурному аффекту, разрушающему сложившуюся ситуацию.

В реальных условиях состояние аффекта может возникнуть:

а) в ответ на неожиданный сильный раздражитель при отсутствии заранее подготовленной программы поведения; при этом сила воздействия раздражителя определяется в первую очередь субъективным смыслом событий и ситуаций, в которых действует человек;

б) в результате постепенной аккумуляции аффективных переживаний в условиях травмирующей психику обстановки; к аккумуляции аффекта ведет повторение ситуаций, вызывающих аффективную напряженность. В подобных случаях сам по себе незначительный повод может вызвать кратковременную бурную эмоциональную реакцию, аффект.

Приведем типичный пример конфликтной ситуации, в которой пришлось разбираться судебно-психологической экспертизе. По уголовному делу Р. на разрешение экспертизы были поставлены вопрос о характере психического состояния обвиняемого в момент совершения им убийства, а также вопрос о том, «какими факторами и обстоятельствами оно (психическое состояние) было вызвано».

Обстоятельства дела таковы: в ноябре 1974 г. в 24 часа Р. у себя в квартире выстрелами из пистолета убил З., которого обнаружил спрятавшимся в коридоре за ширмой. Ранее, в октябре 1969 года, Р. застал свою жену в квартире тещи наедине с З., после чего жена рассказала, что состояла с последним в интимной связи. В период, предшествующий убийству, Р. испытывал тяжелые переживания, вызванные вновь возникшими у него подозрениями о том, что жена продолжает поддерживать интимные отношения с З. При этом особенность ситуации заключалась в том, что подозрения Р. то возрастали, то уменьшались, так как он не располагал точными сведениями о характере нынешних отношений своей жены с З., а его жена и другие родственники убеждали его в несостоятельности этих подозрений.

Из показаний Р. следовало, что мысленно он неоднократно представлял себя в ситуации, когда застанет свою жену с З., и выработал для себя четкий план действий: задержать З. и придать его поведение гласности (З. занимал ответственный пост). Однако неожиданно для Р., когда он обнаружил

спрятавшегося З., последний бросился на него с криками и оскорблениями.

Психологически конфликтность возникшей ситуации определяется тем, что у Р. была выработана программа поведения, которая оказалась непригодной, так как З. сам перешел к агрессивным действиям. Отсутствие заранее подготовленной программы поведения на случай подобных действий З. поставило Р. в классическую ситуацию возникновения аффекта, когда субъект должен немедленно реагировать в ответ на сильный раздражитель, но не имеет для адекватных действий готовой программы.

Таким образом, с психологической точки зрения, ситуация, в которой Р. совершил преступление, может быть охарактеризована как остроконфликтная, способствующая возникновению состояния аффекта.

В других случаях имеют место конфликтные ситуации как результат длительного напряжения и накопления аффективных переживаний при субъективной невозможности найти средства для выхода из создавшегося положения и при объективной необходимости как-то действовать.

В рамках экспертизы психологический анализ ситуации должен включать в себя выявление ряда объективных и субъективных моментов: наличия неожиданного сильного раздражителя, непосредственно предшествующего противоправным действиям (например, внезапного нападения, грубого оскорбления и т. д.); длительно травмирующей обстановки, способствующей накоплению аффективных переживаний (стойкие неприязненные отношения с потерпевшим, систематические издевательства и унижения со стороны потерпевшего и пр.); наличия субъективно значимой эмоционально окрашенной обстановки совершения преступления; объективной необходимости быстрой ориентировки и принятия решения в сложной ситуации; субъективного восприятия ситуации как безвыходной.

Все перечисленные моменты должны быть тщательно проанализированы экспертом в ходе проведения судебно-психологической экспертизы. При этом необходимо учитывать, что констатация наличия конфликтной ситуации в момент совершения преступления необходима, но недостаточна для диагностики аффекта.

Другими словами, диагностика аффекта в рамках судебно-психологической экспертизы включает в себя анализ осо-

бенностей ситуации (как фактора, способствующего и предрасполагающего к возникновению этого состояния), однако прежде всего она должна базироваться на психологическом исследовании самого состояния обвиняемого.

ГЛАВА IV. НАЗНАЧЕНИЕ И ПРОВЕДЕНИЕ СУДЕБНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ ЭКСПЕРТИЗЫ АФФЕКТА

§ 1. Назначение экспертизы

Уголовно-процессуальным законодательством определяется общий порядок проведения экспертизы на предварительном следствии и в стадии судебного разбирательства (ст. ст. 80, 191, 288 УПК РСФСР).

Необходимость в назначении и проведении судебно-психологической экспертизы аффекта возникает в тех случаях, когда у следователя или судьи есть основания предполагать, что в момент совершения преступления субъект в силу возникшего у него особого эмоционального состояния не мог в полной мере сознавать значение своих действий и руководить ими.

Основанием для назначения судебно-психологической экспертизы аффекта могут быть необычное поведение обвиняемого в момент совершения противоправных действий, наличие большого количества ранений или ударов большой силы, множественные повреждения на теле потерпевшего, запоминание обвиняемым отдельных эпизодов происшедшего, показания свидетелей о внезапном резком изменении внешнего вида и поведения преступника, наличие длительных неприязненных отношений между потерпевшим и обвиняемым, способствующих накоплению аффективных переживаний, и пр.

При организации судебно-психологической экспертизы у практических работников нередко возникают трудности, связанные с отсутствием в нашей стране специальных экспертных учреждений и штатных экспертов-психологов. Поэтому производство экспертиз такого рода поручают лицам, имеющим высшее психологическое образование, с учетом их специализации и рода научной и практической деятельности. Наиболее целесообразно проведение судебно-психологических экспертиз аффекта поручать психологам, занимающимся изучением и диагностикой различных эмоциональных процессов и состояний, сотрудникам кафедр педагогики и психологии

педагогических институтов, а также психологам, работающим в психиатрических больницах.

Необходимо учитывать, что нередко психологи, назначенные экспертами, мало знакомы со спецификой следственной, судебной и экспертной деятельности. Поэтому следователь и суд должны ознакомить эксперта с его правовым положением, требованиями, предъявляемыми к заключению эксперта (ст. ст. 80, 82 УПК РСФСР). Эксперту необходимо разъяснить, что он может заявить ходатайство о представлении ему дополнительных материалов как в момент объявления постановления о назначении экспертизы, так и в ходе ее производства (ст. 82 УПК РСФСР). Эксперт вправе дать заключение по своей инициативе по вопросу, который не был перед ним поставлен, но ответ на который, по его мнению, может иметь значение для дела (ст. ст. 82, 191 УПК РСФСР), а при отсутствии достаточных материалов для решения поставленных перед ним вопросов — составить по этому поводу соответствующий акт.

При назначении экспертизы следователь должен проверить, не заинтересован ли эксперт в исходе дела (ст. 67 УПК РСФСР), выяснить данные о специальности и компетентности лица, назначенного экспертом. Выясняются образование, специальность, место и стаж научно-исследовательской, практической работы по данной специальности и узкая специализация (ст. 184 УПК РСФСР).

Признав необходимым назначение экспертизы, следователь составляет об этом постановление, в котором указываются основания для назначения экспертизы, фамилия, имя и отчество эксперта, вопросы, поставленные перед экспертом, и материалы, представляемые в распоряжение эксперта.

Приведем примерный образец такого постановления.

ПОСТАНОВЛЕНИЕ

о назначении судебно-психологической экспертизы

г. Москва

4 января 19 г.

Следователь прокуратуры, рассмотрев материалы уголовного дела в отношении Ирины К.,

УСТАНОВИЛ

Ирина К., 16 лет, проживала совместно с матерью и отцом, который систематически пьянствовал. На этой почве в семье

Image2PDF Pilot 2.14.

происходили постоянные скандалы, во время которых он избивал жену и дочь. В марте 19... г. в результате избиения Ирина К. находилась на стационарном лечении в больнице.

7 октября около 19 часов отец пришел домой в пьяном виде, беспричинно затеял ссору с женой, несколько раз ударил ее. Вступившись за мать, Ирина К. предложила отцу прекратить избиение и лечь спать. В ответ он несколько раз ударил Ирину К. кулаком и ногой. Оскорбленная ударами, Ирина К. схватила отца за одежду, и во время борьбы они упали на кучу камней, лежавших около дома. Оказавшись сверху, отец продолжал избивать Ирину К. кулаками. Вырвавшись от отца, она поймав под руку камень нанесла ему серию ударов по голове и другим частям тела. Свидетели показали, что в момент нанесения ударов Ирина К. была крайне возбуждена, плакала. С возгласами «Ты или я!» схватила отца за ноги и потащила по улице, собираясь доставить его в милицию, находившуюся на расстоянии нескольких километров от дома. После того, как соседи вмешались и остановили ее, она бросила тащить отца и стояла, прислонившись к палисаднику, при этом, по ее словам, «чувствовала сильную усталость, разбитость, дрожали колени».

14 ноября 1977 г. в отношении Ирины К. было возбуждено уголовное дело по ч. 2 ст. 108 УК РСФСР. Проведенной по делу судебно-психиатрической экспертизой установлено, что Ирина К. каким-либо психическим заболеванием не страдает, в отношении инкриминируемого деяния вменяема.

Принимая во внимание, что для установления психического состояния Ирины К. в момент совершения преступления необходимы специальные познания в области психологии, и руководствуясь ст. ст. 78, 79, 184, 187 УПК РСФСР,

ПОСТАНОВИЛ

1. Назначить по данному делу комиссионную судебно-психологическую экспертизу, поставив на ее разрешение следующий вопрос: «Не находилась ли К. в момент совершения инкриминируемого ей деяния в состоянии аффекта?»

2. Производство данной экспертизы поручить сотрудникам кафедры общей психологии Московского государственного университета.

3. В распоряжение комиссии экспертов представить материалы уголовного дела в 3 томах и предоставить возможность провести психологическое обследование обвиняемой.

Разъяснить экспертам права и обязанности, предусмотренные ст. 82 УПК РСФСР, и предупредить об ответственности по ст. ст. 181 и 182 УПК РСФСР.

Следователь прокуратуры
младший советник юстиции

(М. И. Колосов)

С постановлением о назначении экспертизы необходимо ознакомить обвиняемого, разъяснить ему ее сущность и основания необходимости ее назначения, разъяснить обвиняемому его права при назначении и производстве экспертизы (ст. 185 УПК РСФСР). С заключением экспертизы обвиняемого также необходимо ознакомить. Он вправе заявить свои возражения, просить о постановке дополнительных вопросов, о назначении дополнительной или повторной экспертизы (ст. 193 УПК РСФСР).

Большое значение имеет своевременность назначения экспертизы. В тех случаях, когда есть основания для проведения судебно-психиатрической экспертизы в отношении обвиняемого (для решения вопроса о психическом здоровье, наличии временного расстройства психической деятельности в момент совершения преступления), она должна назначаться до психологической, так как признание обвиняемого психически больным исключает возможность проведения судебно-психологической экспертизы.

Представляется наиболее целесообразным назначение судебно-психологической экспертизы аффекта, когда собраны основные материалы по делу и их изучение может дать эксперту достаточно полную информацию о ситуации совершения преступления, особенностях взаимоотношений обвиняемого с потерпевшим, их индивидуальных особенностях и другие необходимые для эксперта сведения.

В стадии предварительного расследования эксперт-психолог имеет больше возможностей, чем в суде, для получения необходимой информации.

В случае, когда экспертиза проводилась на предварительном следствии, в судебное заседание, как правило, вызывается тот эксперт, который участвовал в производстве экспертизы.

Преимущество проведения экспертизы в суде заключается в том, что эксперт, участвуя в исследовании обстоятельств дела, может задавать вопросы не только подсудимому, но и

свидетелям, потерпевшим об обстоятельствах, имеющих значение для дачи заключения (ст. 288 УПК РСФСР).

Очень важна правильная постановка вопросов перед экспертом, так как неточные формулировки дезориентируют психолога и могут привести к тому, что его исследование не будет отвечать действительным потребностям следствия и суда. В экспертной практике были случаи, когда в связи с возникновением предположения о наличии у подсудимого состояния аффекта перед экспертами ставились вопросы о наличии у подэкспертного фрустрации, стресса, об особенностях его умственного развития и т. п. Постановка такого рода вопросов принципиально неверна. Правильным является вопрос такого типа: «Находился ли обвиняемый (подсудимый) в момент совершения противоправных действий в состоянии аффекта?» Решение именно этого вопроса в данном случае является наиболее значимым для выяснения истины по делу.

В ходе проведения экспертного исследования и подготовки заключения эксперт-психолог использует материалы уголовного дела. Поэтому большое значение имеют содержащиеся там показания обвиняемого о своем состоянии в момент совершения преступления, о восприятии им окружающего и всей ситуации, его самоощущениях после совершения преступных действий, последующем отношении к ним и пр. Существенны также показания лиц, участвовавших в исследуемом событии, особенно обвиняемого, о его поведении, речевой деятельности, мимике, пантомимике, внешнем виде. Важнейшее значение для эксперта имеют собранные следователем сведения о личности обвиняемого, условиях его развития, жизненном пути. Ограничение информации преимущественно внешними обстоятельствами совершения преступных действий существенно обедняет исходные данные, приводит к потере сведений, ценных для последующего проведения судебно-психологической экспертизы. В этих случаях эксперт должен воспользоваться своим правом и заявить ходатайство о представлении ему дополнительных материалов (ст. 82 УПК РСФСР).

Являясь одним из доказательств, которое наряду с другими позволяет в процессе предварительного и судебного следствия установить объективную истину по делу, заключение эксперта-психолога проверяется и оценивается следователем или судьей на общих основаниях. Оценке подвергаются квалификация, объективность и компетентность эксперта, научная обоснованность и правильность составления заключения, полнота и убедительность выводов.

Признание работниками следствия и суда научной обоснованности и аргументированности заключения эксперта должно найти свое отражение в обвинительном заключении и приговоре. Несогласие же с заключением эксперта следственные органы должны обосновать (ст. 80 УПК РСФСР).

Если следствие или суд сочтут заключение экспертизы неполным или недостаточно ясным, может быть назначена дополнительная экспертиза, поручаемая тому же или другому эксперту (ст. ст. 81 и 194 УПК РСФСР). В случае же несогласия следователя или суда с заключением экспертизы и признания ее выводов необоснованными назначается повторная экспертиза, поручаемая новому эксперту или экспертной комиссии.

При рассмотрении дел в кассационном и надзорном порядке часто возникают вопросы, связанные с оценкой собранных по делу доказательств и, в частности, с оценкой проведенной по уголовному делу судебно-психологической экспертизы.

В подобных случаях назначение повторных и дополнительных экспертиз законодательством не предусмотрено. Однако надзорный орган вправе обратиться за консультацией к специалисту для разрешения интересующих его вопросов. Подобные консультации не являются заключением экспертизы, а относятся к числу письменных документов (ст. 69 УПК РСФСР). Анализ и оценке подвергаются, как правило, методика проведенного экспертного исследования, обоснованность выводов экспертизы, соответствие заключения предъявляемым ему требованиям, соблюдение экспертами пределов своей компетенции и пр.

Обращаясь за консультацией по поводу обоснованности проведенных судебно-психологических экспертиз, представители надзорных инстанций иногда предлагают также решить вопрос о наличии или отсутствии у обвиняемого в момент совершения им противоправных действий состояния аффекта. Эти вопросы не могут быть предметом консультации, так как разрешение их возможно лишь на основе самостоятельного экспертного исследования.

§ 2. Заключение судебно-психологической экспертизы как доказательство

Советское уголовно-процессуальное законодательство рассматривает заключение эксперта как самостоятельное судебное доказательство. Не имея заранее установленной силы,

как всякое иное доказательство, заключение не является обязательным для следственных и судебных органов и подлежит проверке по существу и оценке следователем и судьей по их внутреннему убеждению, основанному на рассмотрении всех обстоятельств дела в их совокупности (ст. 71 УПК РСФСР).

Вместе с тем заключение эксперта представляет собой не только самостоятельный, но и специфический вид доказательств. Особенность его заключается в том, что эксперт делает выводы на основе проведенного научного исследования, в связи с возникающими вопросами, требующими применения специальных научных познаний и имеющими существенное значение для выяснения объективной истины по уголовному делу.

На основе проведенного экспертом исследования объектов экспертизы с привлечением материалов уголовного дела эксперт дает заключение.

Результаты исследования должны быть описаны доступным неспециалисту, ясным, простым языком; выводы должны быть убедительными и аргументированными. В случае использования специальных психологических терминов необходимо дать разъяснение их содержания, так как знакомится с заключением эксперта и оценивает его широкий круг лиц.

Результаты проведенного исследования оформляются в виде акта экспертизы. Заключение экспертизы должно состоять из вводной части, исследовательской части и выводов.

Вводная часть заключения. Здесь должно быть указано, кто является экспертом, где, когда и на основании какого постановления проведена экспертиза. В этом разделе должны быть указаны вопросы, поставленные перед экспертами (исходя из своей компетенции, эксперт-психолог имеет право отказаться от ответа на тот или иной вопрос, аргументируя это в своем заключении; если же вопросы сформулированы неточно, эксперт, приводя их дословную формулировку, одновременно может изменить их редакцию в соответствии со своей компетенцией и научными возможностями экспертизы), а также кратко изложены обстоятельства уголовного дела, имеющие значение для ответа на поставленные вопросы.

В качестве примера ниже приводятся фрагменты заключения судебно-психологической экспертизы по одному из дел об убийстве. На разрешение комиссии судебно-психологической экспертизы по этому делу были поставлены, в частности, следующие вопросы:

1. Соответствует ли описание обвиняемым К. своего состояния непосредственно перед совершением инкриминируемого деяния, в момент его совершения и после него данным научной психологии о механизмах возникновения и протекания аффекта?

2. Находился ли обвиняемый К. в момент совершения инкриминируемых ему деяний в состоянии аффекта?

Выше сказано, что вводная часть экспертизы воспроизводит обстоятельства дела, как они изложены в постановлении следователя; в частности, по упомянутому делу эти обстоятельства выглядят в заключении следующим образом.

Из постановления о назначении комиссионной судебно-психологической экспертизы известно, что 18 марта 19... г. К. на балконе общего пользования жилого дома задушил руками Н., с которой накануне в квартире совершил половой акт, лишив ее девственности.

В своем объяснении К. указал, что Н. потребовала от него разойтись с женой и жениться на ней, угрожая в противном случае рассказать родителям и его жене о половой связи и разрушить его семью. В ответ на это он схватил ее за горло и задушил, после чего снял с нее верхнюю одежду, а тело сбросил с балкона, инсценировав самоубийство Н. Пальто и шапку он отнес на 8-й этаж, где аккуратно сложил в левом углу балкона. При этом К. пояснил, что убивать Н. он не собирался, «все получилось случайно, внезапно, как реакция на то, что сказала и сделала Н.».

На допросе К. пояснил, что он был «потрясен и возмущен» заявлением Н. и схватил ее за горло «в порыве гнева, не отдавая себе отчета в своих действиях».

В процессе расследования К. неоднократно давал на допросах противоречивые показания. Нечеткость своих показаний о действиях в момент совершения убийства и после его совершения К. объясняет тем, что после убийства, быстро дойдя до своего дома, он лег в постель, заснул и все случившееся представлялось ему кошмарным сном. Кроме того, со слов К. после убийства Н. он неоднократно видел сны об убийстве ее при различных обстоятельствах, в связи с чем перепутал все, что видел во сне и что было в действительности.

Исследовательская часть заключения. В этом разделе детально описываются ход и результаты исследования, использованные материалы и методы, применявшиеся в ходе экспертизы. В доступной форме эксперт должен обосновать необходимость применения данных методов, показать их воз-

Image2PDF Pilot 2.14.

возможности. Вот как это отражено, например, в тексте упомянутого заключения:

«В процессе проведения экспертизы изучены материалы уголовного дела в пяти томах и проведено экспериментально-психологическое обследование К. с использованием следующих методов:

1. Метод клинической беседы — для уточнения обстоятельств дела, некоторых личностных особенностей подэкспертного, условий его воспитания, а также отношения к создавшейся ситуации.

2. Метод «пиктограммы» — для исследования особенностей памяти и мышления.

3. Метод «10 слов» — для исследования утомляемости, памяти, активности внимания.

4. Метод корректурной пробы — для исследования утомляемости, колебаний и распределения внимания.

5. Метод парных ассоциаций — для исследования динамики психологических процессов и установления ассоциативных связей.

6. Метод клинической самооценки — для исследования отношения испытуемого к собственной личности.

7. Тест Розенцвейга — для определения типа и направленности личности в сложных конфликтных ситуациях.

8. Тест Роршаха — для выявления и диагностики личностных особенностей испытуемого.

9. 16-факторный тест Кеттелла — для выявления личностных особенностей испытуемого.

10. Тест Айзенка — для определения направленности личности».

Далее в исследовательской части должны быть приведены результаты клинической беседы и данные, полученные в ходе применения иных методов исследования.

«Во время беседы К. держится напряженно, отгороженно, на вопросы отвечает подчеркнуто кратко и лаконично, тщательно контролирует свои ответы. В целом поведение лишено естественности и непринужденности, чувствуется стремление к позе, созданию у собеседника желательного для себя впечатления. Временами слабодушен, на глазах появляются слезы, эмоционально неустойчив, не выдерживает взятого с начала беседы тона, пытается овладеть своим поведением, но в полной мере это ему не удается. По внешним признакам за-

метны колебания от выраженной агрессивности, злобности, вызывающих интонаций, подчеркнутой независимости, иронии и язвительности по отношению к собеседнику до проявления заметных признаков внушаемости, подчиняемости, стремления вызвать сочувствие у собеседника. Сведения о себе сообщает скупое, себя характеризует как человека самолюбивого, неуравновешенного, склонного к легкой и быстрой смене настроений, испытывающего затруднения в общении, не умеющего управлять собой. Упоминает, что в прошлом были «обманы памяти». Во время беседы склонности к созданию ярких, отчетливых, детализированных образов воображения не выявлено».

Важным разделом исследовательской части заключения эксперта являются результаты экспериментально-психологического исследования. В упомянутом заключении эти результаты фиксировались следующим образом.

«Исследование познавательной деятельности выявило:

— хорошую механическую и смысловую память — быстрое запечатление, прочная фиксация следов (методы «пиктограммы», «10 слов»);

— достаточно высокий уровень обобщения; логичность, целенаправленность, критичность мышления; некоторую шаблонность и стандартность ассоциаций;

— способность к длительной концентрации внимания, распределение внимания в норме;

— хорошую пластичность нервных процессов.

Методы, направленные на исследование познавательной сферы, позволили выявить также некоторые личностные особенности К.:

— наличие личностных бессознательных защитных механизмов по типу «вытеснения» и «замещения» («пиктограмма»);

— наличие адекватного комплекса переживаний, относящегося к совершенному преступлению и особенно к предстоящему уголовному наказанию (ассоциативный эксперимент)...»

Результаты исследования личностных особенностей:

— Данные, полученные методом клинической самооценки, позволили прийти к выводу, что К. присущи такие черты характера, как тревожность, вспыльчивость, неуравновешенность.

— Проявляется тенденция избегать факторов, угрожающих разрушить представление о себе, винить в неудачах окружающих и обстоятельства, а не искать причину в себе.

— Элементы позерства, наигранности. В ситуации ориентирован, учитывает положение, в котором находится. Отмечается некоторая инфантильность поведения.

— По тесту Розенцвейга — у испытуемого выявлена тенденция снятия внутреннего напряжения через повышенную раздражительность и агрессивность.

— Характерны стремление оградить себя от конфликтов, недостаточная способность к саморегуляции, неспособность к поиску адекватных выходов из конфликтных ситуаций.

— По тесту Роршаха — испытуемый тревожен, аффективно неустойчив, агрессивен. Эгоцентричен, склонен к самолюбанию и переоценке собственной личности, самоконтроль снижен.

— Морально-этические установки и принципы неустойчивы. Плохо адаптируется к сложным ситуациям.

— По тесту Айзенка — испытуемый импульсивен, в эксперименте правдив, что позволяет считать результаты экспериментально-психологического обследования надежными.

Важные данные о личностных особенностях подэкспертного могут быть получены в результате тщательного анализа материалов уголовного дела. Эти данные также приводятся и интерпретируются в исследовательской части заключения.

«Обследуемый воспитывался в условиях постоянной родительской сверхопеки, ограничения самостоятельности, к нему относились, как к маленькому ребенку. Попытки самостоятельного принятия решения по важным жизненным вопросам кончались неудачами, после чего он вновь попадал под контроль родителей.

В школьные годы К. его мать, будучи членом родительского комитета, имела возможность постоянно контролировать поведение сына и оказывать ему помощь (л. д. ...).

Оказавшись вне дома и привычной семейной обстановки, К. обнаружил неспособность к самостоятельной организации своей жизни. Он бросил учебу, начал злоупотреблять спиртными напитками, бесцельно тратил свободное время, совершал асоциальные поступки (л. д. ...).

В дальнейшем жизнь К. нормализовалась только после вмешательства родителей, когда он вновь оказался под их опекой. Неправильное поведение сына (например, случаи, когда он попадал в вытрезвитель) родители объясняют его молодостью и несерьезностью (л. д. ...), в чем проявляется их отношение к сыну как к человеку несамостоятельному, по-прежнему нуждающемуся в контроле...

Поведение К. в конфликтных ситуациях часто носило демонстративный характер. У подэкспертного отмечается наличие развитых личностных защитных механизмов: «отрицание и вытеснение конфликта», «бегство в болезнь». Например, еще в раннем детстве «плохо ел, и стоило его позвать за стол, как начиналась рвотная реакция».

Суицидальная попытка К. (в связи с расследованием по настоящему делу) по существу является реакцией сходного типа, носящей демонстративный характер.

Выявленные при обследовании индивидуально-психологические особенности К. не характерны, как показано в ряде криминально-психологических исследований, для лиц, обладающих предрасположенностью к аффективным взрывам...»

Для ответа на вопрос о наличии у испытуемого состояния аффекта в момент совершения им противоправных действий эксперт-психолог должен проанализировать основные моменты, тесно связанные с механизмом возникновения и развития аффекта. В исследовательской части должна быть дана краткая психологическая характеристика аффекта, приведены основные критерии, которыми пользуется эксперт для его диагностики, а также описаны результаты ретроспективного психологического исследования поведения субъекта в момент совершения преступления, до и после него. В рассматриваемом заключении эта часть исследования фиксировалась так:

«Анализ имеющихся данных приводит экспертов к выводу о том, что поведение К. в период совершения им противоправных действий сохранило целенаправленность и адекватность: непосредственно после убийства К. с целью инсценировки самоубийства Н. выбросил ее тело с балкона, предварительно сняв с потерпевшей одежду (совершение этих действий К. объясняет тем, что читал о том, что самоубийцы поступают таким образом).

Последовательность и рациональность поведения К. служит одним из признаков отсутствия изменений сознания. Об этом же свидетельствуют полная сохранность воспоминаний, детальное описание К. ситуации совершения преступления, действий и высказываний не только своих, но и потерпевшей.

По утверждению К., забывание им некоторых событий относится к периоду после совершения убийства (не помнит этаж, на который отнес одежду потерпевшей, как спускался в лифте, шел домой и пр.).

Наличие такого рода явлений памяти не соответствует психологическим представлениям о совершении противоправных действий в состоянии аффекта.

Анализ показаний К. приводит экспертов к выводу о том, что явлений двигательного возбуждения с элементами автоматизма, характерных для аффекта, в поведении К. в момент совершения преступления не усматривалось.

Не обнаружено и специфического состояния после действия аффекта у К., который, совершив убийство, предпринял ряд активных действий по сокрытию следов преступления (раздел потерпевшую и выбросил ее тело с балкона, отнес одежду потерпевшей на верхний этаж, аккуратно сложил ее там).

В материалах дела отсутствуют данные о наличии у К. специфических вегетативных проявлений аффекта.

В показаниях К. о своем психическом состоянии в момент совершения убийства имеются ссылки на внезапное возникновение аффективной вспышки, что совпадает с научными психологическими представлениями о развитии аффективных реакций, однако наличия внезапности как одного из признаков аффекта недостаточно для диагностики этого эмоционального состояния.

В целом, анализируя показания К., эксперты приходят к выводу о том, что в его поведении в момент совершения преступных действий диагностических признаков аффекта не усматривается, а описание им своего психического состояния непосредственно перед совершением преступления, в момент совершения и после него не соответствует данным научной психологии о механизмах возникновения и протекания аффекта».

Выводы экспертизы формулируются в заключении в той последовательности, в которой они были поставлены перед экспертами. Содержание ответов должно соответствовать смыслу поставленных вопросов. Ответы должны быть недвусмысленными, ясными и четкими.

Выводы экспертизы должны носить категорический характер. Если же недостаточность материалов (невосполнимая) для исследования или иные причины не позволяют сделать однозначного и категорического вывода, эксперт должен дать аргументированное заключение о невозможности ответить на поставленные перед ним вопросы. Вероятный предположительный вывод о наличии состояния аффекта могут сделать следователь или суд и без помощи экспертизы. Оценивая вероятное заключение эксперта, невозможно определить степень достоверности полученных выводов, в то время как выводы по уголовному делу могут и должны основываться только на достоверных фактах.

В частности, по приведенному случаю эксперты сформулировали свои выводы так:

«Описание К. своего состояния непосредственно перед совершением инкриминируемого деяния, в момент его совершения и после него данным научной психологии о механизмах возникновения и протекания аффекта не соответствует.

По материалам уголовного дела и данным психологического обследования в поведении К. в момент совершения инкриминируемого ему деяния признаков аффекта не усматривается».

В своем заключении эксперты обязаны указать также, что они предупреждены об ответственности за дачу заведомо ложного заключения, за отказ или уклонение от дачи заключения и за разглашение данных предварительного следствия по ст. ст. 181, 182, 184 УК РСФСР.

В настоящее время не существует специальных экспертных учреждений по производству судебно-психологических экспертиз, и поэтому не существует установленного порядка хранения экспертной документации, в частности первичных данных, полученных при производстве подобных экспертиз. В этой связи представляется целесообразным для возможной перепроверки и оценки правильности полученных в ходе проведения судебно-психологической экспертизы выводов (при необходимости повторного экспертного исследования) прилагать эти первичные данные к акту экспертизы (в виде приложения).

РЕКОМЕНДУЕМАЯ ЛИТЕРАТУРА

1. Коченов М. М. Введение в судебно-психологическую экспертизу. М., 1980.
2. Вопросы судебно-психологической экспертизы (Материалы научно-практического семинара, проведенного во Всесоюзном институте по изучению причин и разработке мер предупреждения преступности). М., 1978.
3. Сидоров Б. В. Аффект, его уголовно-правовое и криминологическое значение. Казань, 1978.
4. Шавгулидзе Т. Аффект и уголовная ответственность. Тбилиси, 1973.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Предисловие 3

Глава I. Психологическая характеристика аффекта

§ 1. Понятие аффекта 7

§ 2. Виды аффектов 13

Глава II. Правовая и экспертная оценка состояния аффекта

§ 1. Сильное душевное волнение как смягчающее вину обстоятельство 18

§ 2. Компетенция судебно-психологической экспертизы аффекта 25

§ 3. Практика проведения судебно-психологических экспертиз аффекта 29

Глава III. Методы судебно-психологической экспертизы аффекта

§ 1. Общая характеристика методов судебно-психологической экспертизы аффекта 38

§ 2. Изучение личности при производстве экспертизы 43

§ 3. Ретроспективное изучение поведенческих признаков аффекта 48

§ 4. Изучение ситуации преступления 53

Глава IV. Назначение и проведение судебно-психологической экспертизы аффекта

§ 1. Назначение экспертизы 56

§ 2. Заключение судебно-психологической экспертизы как доказательство 61

Рекомендуемая литература 69

Ольга Давидовна Ситковская
СУДЕБНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКАЯ ЭКСПЕРТИЗА АФФЕКТА

Редактор **О. Я. Радченко**
Корректор **Е. Ф. Козлова**

Л 98236 от 26/X-83 г. Сдано в набор 21/VII-83 г. Объем 4,5 п. л.
Тираж 6000 экз. Заказ 749 Цена 45 коп.

Тип. Фин.-хоз. отдела Президиума Верховного Совета РСФСР